

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «СПИСОК ГОСТЕЙ»

ЛЮСИ ФОЛИ

КВАРТИРА В ПАРИЖЕ

18+

УВИДЕТЬ ПАРИЖ И УМЕРЕТЬ

Люси Фоли
Квартира в Париже
Серия «Объявлено убийство»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68404883
Текст предоставлен издательством: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-149133-8

Аннотация

Джесс решает навестить своего брата Бена, надеясь, что каникулы в городе мечты помогут ей выбраться из передраг.

Но, прибыв в Париж, она обнаруживает пустую квартиру: ее брат пропал. Джесс сразу подозревает неладное и, в надежде разобраться в случившемся, пытается свести знакомство с соседями Бена. Возможно, им что-то известно?

Но за закрытыми дверями таится слишком много секретов. Кажется, все поголовно что-то скрывают.

Этот дом как муравейник, разворошишь его, и тебе не поздоровится. Но, быть может, если разгадать, кому и какая отведена роль, удастся докопаться до правды.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

106

Люси Фоли

Квартира в Париже

Copyright © 2022 by Lost and Found Books

© А. Драган, перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пролог

Пятница

БЕН

Его пальцы порхают над клавиатурой. Необходимо все записать. Эта история: она его прославит. Бен закуривает еще одну сигарету. Кажется, немного банально курить в Париже «Житан», но ему действительно нравится их вкус. И что уж скрывать, ему нравится, как он выглядит, когда курит.

Он сидит перед окнами квартиры, выходящими на центральный двор. Все вокруг погружено в темноту, только слабое зеленоватое свечение одинокой лампы нарушает мрак.

Это красивый дом, но в его сердцевине что-то прогнило. И теперь повсюду слышится испускаемое им зловоние.

Ему нужно поскорее убраться отсюда. Он и так уже злоупотребил гостеприимством. Неужели Джесс не могла выбрать лучшего времени для визита. Даже не удосужилась ему сообщить. Она не стала вдаваться в подробности по телефону, но явно что-то случилось; какие-то неприятности в том паршивом баре, где она сейчас работает. У его сводной сестры настоящий талант появляться в самое неподходящее время. Она как маячок, сигнализирующий об опасностях: кажется, они преследуют ее повсюду. У нее никогда не получалось просто *играть по правилам*. Она никогда не понимала, насколько проще становится жизнь, если просто давать людям то, чего им хочется, и говорить то, что они хотят услышать. Но нужно признать, он действительно предлагал ей «остаться, если захочет», но на самом деле он не это имел в виду. Но Джесс поймала его на слове.

Когда он видел сестру в последний раз? Он всегда чувствовал себя виноватым, когда вспоминал о ней. Должен ли он быть рядом, присматривать за ней?.. Она ведь хрупкая, Джесс. Или точнее сказать, ранимая, люди просто не сразу это замечают. Она, как броненосец: под жестким панцирем нежное тело.

В любом случае нужно позвонить ей, проинструктировать. Он оставляет сестре голосовое сообщение: «Привет Джесс, значит, адрес такой: Рю де Амант, двенадцать. Поня-

ла? Третий этаж».

Его глаза различают какое-то движение во дворе под окнами. Кто-то быстро пересекает двор. Почти бегом. Бен улавливает только смутные очертания фигуры, но не может распознать, кто это. Есть в этом что-то странное. В крови закипает адреналин.

Он вспоминает, что все еще записывает голосовое сообщение, и отводит взгляд от окна. «Просто позвони в звонок. Я буду ждать тебя...»

Он замолкает. Колеблется, прислушивается.

Шум.

Топот шагов по лестничной площадке... приближающихся к двери в квартиру.

Шаги затихают. Там кто-то есть, снаружи. Бен ждет стука. Ничего не происходит. Тишина. Тяжелая тишина, напряженная, как затаенное дыхание.

Странно.

А потом еще один звук. Он затаился и наострил уши, внимательно вслушиваясь. И вот снова. Металл по металлу, лязг ключа. Затем щелчок, ключ в замочной скважине. Он смотрит, как поворачивается замок. Кто-то отпирает его дверь снаружи. Кто-то, у кого есть ключ, но незачем приходиться сюда без приглашения.

Ручка опускается вниз. Со знакомым протяжным скрипом открывается дверь.

Он кладет телефон на кухонный стол, забыв о голосовом

сообщении. Выжидает и тупо наблюдает, как распахивается дверь.

В комнату входит человек.

– Что вам нужно? – спрашивает Бен. Спокойно, рассудительно. Ничего не скрывая. Ничего не опасаясь. По крайней мере, пока. – И почему...

Внезапно Бен видит, что в руках у незваного гостя.

И сейчас... Сейчас ему уже страшно.

СПУСТЯ ТРИ ЧАСА

ДЖЕСС

Ради бога, Бен. Возьми трубку. Я уже все сиськи себе отморозила. Мой «Евростар» выехал из Лондона с опозданием в два часа; я должна была прибыть в половину десятого, но уже перевалило за полночь. И сегодня холодно, здесь, в Париже, даже холоднее, чем в Лондоне. Сейчас только конец октября, а у меня изо рта пар идет и ноги окоченели. Трудно поверить, что всего пару недель назад стояла сильная жара. Мне нужно подходящее пальто. Но, видимо, я слишком многого хочу от жизни.

Я уже, наверное, раз десять позвонила Бену: когда «Евростар» прибыл на путь. Безуспешно. Он не ответил ни на одно из моих сообщений. Большое спасибо, братец.

Он сказал, что будет на месте. «Сообщи, когда прие-

дешь», — записал Бен в голосовом. «Просто позвони в звонок».

Что ж, я здесь. В тускло освещенном тупике, вымощенном булыжником, — не иначе как признак серьезного, респектабельного района. Передо мной многоквартирный дом, он стоит в самом конце улицы, сам по себе.

Я оглядываюсь на пустую дорогу. Рядом с припаркованной машиной промелькнула тень. Я отхожу в сторону, чтобы получше ее рассмотреть. Это... Прищуриваюсь, стараясь разглядеть очертания. Могу поклясться, что там кто-то есть, притаился за машиной.

Я вздрагиваю, когда в нескольких кварталах от меня сирена разрывает тишину. Но потом вой постепенно затихает. Сирена здесь звучит по-другому, не так, как дома — «ни-но, ни-но», а как-то по-детски, — но это все равно заставляет сердце биться быстрее.

Я оглядываюсь на тень за припаркованной машиной. Теперь я не могу различить никакого движения, даже не могу разглядеть ту фигуру, которую, как мне казалось, я видела до этого. Может, просто так падал свет.

Снова смотрю на дом. Другие дома на этой улице прекрасны, но этот перещеголял их всех. Стоящий в стороне от улицы, за большими воротами, обнесенный с двух сторон высокой стеной, с милым палисадником. Пять этажей — я посчитала — огромные окна, кованые балконы. Разросшийся по фасаду плющ ползет вверх. Если вытянуть шею, то можно

увидеть террасу на крыше, острые очертания деревьев и темные контуры кустарников на фоне ночного неба.

Я еще раз проверяю адрес. Рю де Амант, двенадцать. С адресом я определенно не промахнулась. Не могу поверить, что Бен живет в таком шикарном месте. Он упоминал, что найти квартиру ему помог какой-то университетский приятель. Что сказать, Бен всегда умел удачно устроиться. Неудивительно, что это место его заворожило. Хотя он сам тоже не промах. Журналисты, очевидно, зарабатывают больше барменов, но не настолько же.

На железных воротах медный дверной молоток в виде львиной головы: толстое металлическое кольцо зажато в оскале зубов. Ворота венчает щетина шипов – не перелезть. И по обе стороны высокого забора осколки стекла; попытаешься пролезть, покалечишься. Уровень безопасности разительно контрастирует с изящностью здания.

Я поднимаю дверной молоток, холодный и тяжелый, и роняю его. Раздавшийся грохот эхом отскакивает от брусчатки, намного громче, чем я ожидала. Здесь так тихо и темно, даже не верится, что я в том же суматошном городе, который проезжала сегодня днем: все эти яркие огни, народ, люди, выходящие из баров и ресторанов. Я вспоминаю район вокруг того огромного собора на холме, «Сакре-Кёр», под которым я проезжала всего двадцать минут назад: с толпами туристов, делающих селфи, и подозрительными парнями в пуховиках, шныряющими между ними, готовыми стащить кошелек или

два. В памяти встают улицы, по которым шла, с неоновыми вывесками, громкой музыкой, круглосуточной едой, толпой людей, выходящей из баров, с очередями в клубы. Это другая вселенная. Я оглядываюсь назад: ни души. Только шорох сухого плюща. Издалека доносится гул дороги, гудки автомобильных клаксонов – но такие приглушенные, будто они не осмеливаются вторгнуться в этот рафинированный, почти безмолвный мир.

Меня мало что заботило, пока я тащила свой чемодан через весь город. В основном я беспокоилась лишь о том, как бы меня не ограбили и чтобы сломанное колесико чемодана не застряло и не вывело меня из себя. Но теперь, впервые, до меня доходит: я здесь, в Париже. В другом городе, в другой стране. У меня получилось. Мне удалось оставить свою прошлую жизнь позади.

В одном из верхних окон вспыхивает свет. Подняв глаза, я вижу стоящую там темную фигуру, силуэт головы и плеч. Бен? Хотя будь это он, наверняка помахал бы рукой. Я стою в свете уличного фонаря, так что братец наверняка видит меня. Но фигура у окна стоит неподвижно, как статуя. Черты лица не разобрать. Непонятно, мужчина это или женщина. Но кто-бы это ни был, он наблюдает за мной. И наверное, на то есть причина. Уверена, я выгляжу довольно жалко и нелепо со своим сломанным чемоданом, который вот-вот раскроется, несмотря на обмотанный вокруг него трос. Странное чувство – осознавать, что меня могут видеть, а я нет. Я от-

вожу глаза.

Ага. Справа от ворот небольшая панель с номерами и встроенным в нее объективом. Должно быть, массивный дверной молоток с львиной головой просто для виду. Нажимаю кнопку третьего этажа, этажа Бена. И жду, когда его голос затрещит в домофоне.

Ответа нет.

СОФИ

Пентхаус

Кто-то стучит в парадную дверь. Довольно громко, так что Бенуа, мой серебристый уиппет вскакивает и заливается лаем.

— *Arrête ça!* — кричу я. — Перестань.

Бенуа обиженно скулит, но потом замолкает. Пес смотрит на меня, и в его темных глазах читается смятение. Мой голос тоже изменился — слишком пронзительный, слишком громкий. В наступившей тишине я отчетливо слышу свое собственное дыхание, отрывистое и тяжелое.

Никто никогда не пользуется дверным молотком. Разве только тот, кто здесь впервые. Я подхожу к окнам, что смотрят во двор. Улицы отсюда не разглядишь, но видна парад-

ная дверь, так что, если кто-нибудь войдет, я замечу. Но никто не заходит, а прошло уже несколько минут. Очевидно, это не тот, кого, по мнению консьержки, стоит впускать. Хорошо. Что ж... Хотя я и недолюбливаю эту женщину, но ей можно доверять, по крайней мере, в этом.

Можно жить в Париже в самой дорогой квартире, но городские маргиналы все равно будут время от времени прибаваться к вашей двери. Наркоманы, бродяги. Шлюхи. Пигаль, район красных фонарей, совсем недалеко отсюда, он цепляется за рукав Монмартра. Здесь, наверху, в этой многомиллионной крепости с видом на городские крыши и Эйфелеву башню, я всегда чувствовала себя в относительной безопасности. Я могу не обращать внимания на грязь под золотом. Я научилась закрывать на это глаза. Обычно. Но сегодня... все иначе.

Я иду взглянуть на себя в зеркало, что висит в коридоре. Внимательно изучаю свое отражение. Не так уж плохо для пятидесяти. Мне удалось хорошо сохраниться, возможно, потому что я взяла на вооружение французский метод поддержания *формы*. Что, по сути, означает всегда оставаться голодной. В любой час дня я выгляжу безупречно. Идеальная помада. Без нее я никогда не выхожу из квартиры. Шанель La Sompteuse: мой фирменный цвет. Холодный, царственный, он как бы предупреждает всякого: «держись подальше». Стрижка – блестящий черный боб, который каждые шесть недель подстригает Дэвид Малле в Нотр-Дам-де-

Виктуар. Форма доведена до совершенства, каждый седой волосок тщательно скрыт. Жак, мой муж, однажды абсолютно ясно дал понять, что не потерпит женщин, которые позволяют себе сесть. Даже если он и не всегда здесь, чтобы этим восхищаться.

Я ношу то, что считаю своей униформой. Мои доспехи. Шелковая рубашка, темные узкие брюки элегантного покроя. На моей шее шелковый шарф «Эрме» с ярким рисунком, он отлично маскирует любое разрушительное воздействие времени на нежную кожу. Недавний подарок Жака, он любит красивые вещи. Такие, как эта квартира. Такие, какой была и я до того, как имела неосторожность постареть.

Идеально. Как всегда. Как и ожидалось. Но я чувствую себя грязной. Запятнанной тем, что пришлось совершить этим вечером. В зеркале поблескивают мои глаза. Единственное, что меня выдает. Хотя лицо тоже изможденное – если прищмотреться повнимательнее. Я даже худее, чем обычно. В последнее время нет надобности в диете, не нужно тщательно отслеживать каждый бокал вина или кусочек круассана. Я не могу вспомнить, что ела сегодня утром на завтрак; да и помнила ли я вообще о еде. С каждым днем мой пояс затягивается свободнее и все сильнее выпирают ребра.

Я снимаю шарф. Мне под силу повязать шарф не хуже любой коренной парижанки. По нему вы узнаете во мне одну из них, одну из этих роскошных богатых женщин с их маленькими собачками и отличным воспитанием.

Читаю сообщение, которое отправила Жаку прошлой ночью. Bon nuit, mon amour. Tout est bien ici. *«Спокойной ночи, моя любовь. Здесь все спокойно».*

Все спокойно. ХА.

Не понимаю, как до этого дошло. Но я точно знаю: все началось с того момента, как он появился здесь. Переехал на третий этаж. Бенджамин Дэниелс. Он все разрушил.

ДЖЕСС

Я достаю свой телефон. Когда я проверяла в прошлый раз, от Бена по-прежнему не было никаких вестей. Последний раз он выходил на связь в «Евростаре»: «Уже в пути!» И потом: «На Северный Вокзал! У тебя есть аккаунт в Убер?!!!» Братец решил расщедриться и прислать за мной такси. Наверное, стоило воспользоваться предложением, особенно когда при тебе огромный гребаный чемодан.

Мне пришло новое сообщение. Только оно было не от Бена.

«Ты, глупая маленькая сучка. Думаешь, тебе сойдет с рук все, что ты натворила?»

Черт. В горле внезапно пересохло. Я удаляю сообщение и вношу номер в черный список.

Навестить брата – было спонтанным решением. Когда я позвонила Бену и сообщила, что еду, он не казался взволнованным. Правда, у него было мало времени, чтобы все пере-

варить. Но с другой стороны, я всегда думала, что для меня кровные узы гораздо важнее, чем для моего брата. На прошлое Рождество я предложила нам вместе потусоваться, но он сказал, что занят. «Катаюсь на лыжах», – ответил Бен. Даже не знала, что он умеет кататься на лыжах.

Иногда кажется, что он стесняется меня. Я напоминаю ему о прошлом, а он предпочел бы отрезать себя от всего этого.

Мне пришлось объяснить, что я в отчаянном положении. «Надеюсь, это на месяц или два, и я оплачу дорогу, – пообещала я. – Как только встану на ноги. Я найду работу». Да. Такую, где не задают слишком много вопросов. Хотя вот так ты и попадаешь в заведения вроде тех, где раньше работала я, – не так уж много мест, куда тебя возьмут, несмотря на твои дерьмовые рекомендации.

До сегодняшнего дня я работала в баре «Копакабана» в Брайтоне. Неестественно огромные чаевые компенсировали все издержки. Частенько орава придурковатых банковских менеджеров из Лондона справляла предстоящую свадьбу какого-нибудь Дика, Гарри или Тобиаса и забивала на то, чтобы верно пересчитывать банкноты – а может, для таких парней это была сушая мелочь. Но с сегодняшнего дня я безработная. Снова.

Я нажимаю на звонок второй раз. Нет ответа. Все окна в доме снова стали темными – даже то, что зажглось в прошлый раз. Господи. Он же не мог лечь спать и совершенно

забыть обо мне... или мог?

Под остальными кнопками есть подписанная курсивом: *Консьержка*. Как в отеле: очередное подтверждение, что место действительно престижное. Я нажимаю кнопку, жду. Никто не отвечает. Я все представляю, как кто-то смотрит на мое маленькое видеоизображение, оценивает, а затем решает не открывать.

Я снова поднимаю тяжелый молоток и несколько раз стучу им по дереву. Звук удара разносится по улице: кто-то должен его услышать. Я засекаю только собачий лай, доносящийся откуда-то из глубины дома.

Жду пять минут. Никто не приходит.

Черт.

Позволить гостиницу я себе не могу. У меня не хватает денег, чтобы вернуться обратно в Лондон, и даже, если бы и были, я ни за что бы не вернулась. Какие есть варианты... Пойти в бар... и подождать?

За спиной раздаются шаги, они гулко отдаются по брусчатке. Бен? Я оборачиваюсь, ожидая, что мой брат сейчас рассыпется в извинениях, скажет, что выскочил за сигаретами или еще за чем-нибудь. Но направляющаяся ко мне фигура не мой брат. Слишком высокий, слишком широкоплечий, на голову натянут капюшон с мехом. Он движется быстро, уверенной походкой. Я крепче сжимаю ручку своего чемодана.

В нем все мои вещи.

Теперь он всего лишь в нескольких метрах от меня, достаточно близко, чтобы при свете уличного фонаря я могла разглядеть блеск его глаз под капюшоном. Он достает что-то из кармана. Мне становится не по себе. И теперь я замечаю. Что-то острое, металлическое поблескивает в его руке.

КОНСЬЕРЖКА

Будка

Я наблюдаю за ней с экрана домофона, за этой незнакомкой у ворот. Что она здесь делает? Она снова жмет на звонок. Наверное, заблудилась. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: ей здесь не место. Хотя девчонка и выглядит уверенной, видно, во что бы то ни стало решила сюда попасть. Теперь она таращится в объектив. Я не впускаю ее. Не могу.

Я охраняю ворота этого дома. Сажу здесь в своей будке: крошечном домике в углу двора, который, может двадцать раз поместится в квартирах надо мной. Но, по крайней мере, эта коморка моя. Мое личное пространство. Мой дом. Многие так бы его не назвали. Если сесть на раскладушку, то руками можно дотянуться до всех углов комнаты одновременно. С земли и с крыши тянет сыростью, а окна не защищают от холода. Но есть четыре стены. И у меня есть место

для фотографий, напоминающих о когда-то прожитой жизни, маленькие реликвии, что удалось сохранить, и за которые я держусь, когда наваливается одиночество; есть место для цветов, которые я через день собираю во двореке, так что здесь есть что-то живое и свежее. При всех своих недостатках, это место дает чувство защищенности. Больше у меня ничего нет.

Я снова всматриваюсь в лицо на экране домофона. Свет выхватывает его из темноты, и оно вдруг кажется мне знакомым: резкая линия носа и челюсти. Но красноречивее внешности то, как она двигается, как озирается вокруг. Эти хищнические повадки напоминает мне кое-кого. Это веская причина не впускать ее. Я не люблю незнакомцев. Не люблю перемен. Они не сулят ничего хорошего. Он доказал это: зашел сюда со своими вопросами, очаровывая всех и вся. Человек, который поселился в квартире на третьем этаже: Бенджамин Дэниелс. После его приезда все изменилось.

ДЖЕСС

Он идет прямо на меня, этот парень в куртке. Заносит руку. Снова сверкнуло лезвие. Черт. Я собираюсь развернуться и убежать – по крайней мере, на несколько метров от него...

Но подождите, нет, *нет*... Теперь я вижу, что предмет в его руке – не нож. Это айфон в металлическом корпусе. Выдыхаю и, охваченная внезапным приступом усталости, при-

слоняюсь к своему чемодану. Я весь день на взводе, неудивительно, что шарахаюсь от всего подряд.

Парень кому-то звонит. Мне удастся разобрать тоненький голосок на другом конце провода; по-моему, женский. Парень распаляется, говорит все громче и громче, и в конце концов уже орет в трубку. Понятия не имею о чем речь, но не надо быть знатоком французского, чтобы догадаться: это явно не дружеская беседа.

Закончив свою тираду, он убирает телефон в карман. И яростно выплевывает одно слово: *Putain*¹.

Я понимаю, что это значит. По французскому у меня была двойка, но однажды я просмотрела все ругательства и заучила самые интересные. *Шлюха*: вот что это означает.

Парень поворачивается и снова идет в мою сторону. Но на этот раз я понимаю, он идет не на меня, а к воротам дома. Посторонившись, я снова ощущаю себя полной идиоткой из-за того, что меня взбудоражила такая мелочь. Но что поделать, я привыкла быть начеку и всегда держу ухо востро, на всякий случай.

– *Bonsoir*², – начинаю я, демонстрируя свое лучшее прозвище и самую обезоруживающую улыбку. Может быть, этот парень впустит меня, и я смогу подняться на третий этаж и постучать в квартиру Бена. Может быть, у него просто не работает звонок или еще что.

¹ Шлюха, проститутка (*фр.*). – Здесь и далее прим. пер.

² Добрый вечер (*фр.*).

Парень не отвечает. Он просто поворачивается к кнопкам рядом с воротами и набирает несколько цифр. Наконец он достаивает меня взглядом. И это *не самый* дружелюбный взгляд. Я улавливаю запах алкоголя, кислый и мерзкий. Такое дыхание у большинства завсегдатаев в «Копакабане».

Я снова улыбаюсь.

– Э-э... *excuse moi?*³ Пожалуйста, эм – можете помочь, я ищу своего брата Бена: Бенджамина Дэниелса...

Будь у меня хоть капля таланта Бена, его обаяния... «Бенджамин Красноречивый», так называла его мама. У него всегда получалось заставить любого действовать в своих интересах. Может быть, именно поэтому он был журналистом в Париже, пока я горбатилась на парня по прозвищу Извращенец в захолустном баре в Брайтоне, где по выходным устраивали мальчишники, а по будням выпивали местные забулдыги.

Парень медленно поворачивается ко мне.

– Бенджамин Дэниелс, – произносит он. Не вопросительно: просто повторяет. Но в его голосе сквозит гнев или, может, страх. Он знает, о ком я говорю. – Бенджамина Дэниелса здесь нет.

– Что значит, «его здесь нет», – спрашиваю я. – Он дал мне этот адрес. Он живет на третьем этаже. Не могу до него дозвониться.

Мужчина отворачивается. Я смотрю, как он открывает во-

³ Прошу прощения (*фр.*).

рота. Наконец он опять смотрит на меня, и я думаю: может быть, он все-таки мне поможет. Затем на английском с акцентом он очень медленно и громко произносит:

– Отвали, *мальшика*.

Прежде чем я успеваю ответить, раздается скрежет металла, и я отскакиваю назад. Он захлопнул ворота прямо перед моим носом. Когда звон в ушах затихает, я слышу лишь свое дыхание, отрывистое и тяжелое.

Но он помог мне, хотя сам и не догадывается об этом. Я выжидаю еще немного, еще раз оглядываюсь на улицу. Затем набираю те же цифры, которые парень набрал несколько секунд назад. 7561. Ура: маленький огонек вспыхивает зеленым, раздается щелчок механизма – ворота открываются. Волоча за собой чемодан, я проскальзываю внутрь.

МИМИ

Четвертый этаж

*Merde.*⁴

Только что я услышала его имя, там, в ночи, и наострила уши. Почему-то я лежу на одеяле, а не под ним. На ощупь волосы влажные, подушка холодная и мокрая. Я вся дрожу.

⁴ Черт, блин (*фр.*).

Я что-то слышу? Или мне почудилось? Его имя... оно преследует меня повсюду?

Нет, его на самом деле произнесли. Женский голос, доносится из открытого окна моей спальни. Каким-то образом я слышала, даже на четвертом этаже. Каким-то образом я слышала его сквозь гул белого шума в своей голове.

Кто она такая? Почему спрашивает о нем?

Я сажусь, подтягиваю костлявые колени к груди и тянусь за *doudou*⁵, месье Гасом, старой игрушкой-пингвином, до сих пор держу его у подушки. Прижимаю пингвина к себе, пытаюсь успокоиться, зарывшись лицом в его мягкое тельце. Так же, как в детстве, когда мне снился плохой сон. *Ты больше не малютка, Мими*. Так он сказал, Бен.

Комната утопает в синем лунном свете. Почти полнолуние. В углу я могу разглядеть свой проигрыватель и футляр с виниловыми пластинками. Стены в этой комнате я выкрасила в такой темно-фиолетовый цвет, что они вообще не отражают никакого света, но плакат, висящий напротив меня, кажется светится. Это Синди Шерман; я была на ее выставке в Помпиду в прошлом году. Меня поразили ее работы: оригинальные и глубокие. Это как раз то, что я пытаюсь выразить в своей живописи. На постере «Фильма без названия #3» на ней короткий черный парик, она смотрит на тебя как одержимая, будто собирается съесть твою душу. «*Putain!*» – захотала моя соседка по квартире Камилла, когда впервые уви-

⁵ Любимая игрушка (фр.).

дела плакат. «А что если ты приведешь какого-нибудь парня? Ему придется смотреть на эту злую сучку, пока ты трахаешься? Он точно собьется с ритма». Да неужто это случится, подумала я тогда. *Двадцать лет, а ты все девственница. Хуже. Девственница из католической школы.*

Я смотрю на Синди, черные тени, как синяки вокруг глаз, рваная стрижка, почти как у меня, после того, как я обкорнала волосы ножницами. Словно смотришься в зеркало.

Я поворачиваюсь к окну и смотрю вниз, во двор. В будке консьержки горит свет. Неудивительно: это любопытная старая сука никогда ничего не забывает. Выползает из темных углов. Всегда наблюдает, всегда рядом. Смотрит на тебя так, словно знает все твои секреты.

Этот дом выстроен в форме буквы U. Моя спальня находится на одном конце U, так что, если посмотреть вниз по диагонали, то можно заглянуть в его квартиру. Почти два месяца каждый вечер он сидел за своим столом и работал допоздна при включенном свете. Я позволяю себе чуток за ним подсматривать. Ставни открыты, но свет выключен, письменный стол абсолютно пустой. Я отвожу взгляд.

Соскользнув с кровати, на цыпочках выхожу в гостиную, стараясь не споткнуться о вещи, разбросанные Камиллой – будто здесь продолжение ее спальни: валяющиеся журналы и свитера, грязные кофейные чашки, флакончики лака для ногтей, кружевные бюстгалтеры. Здесь из высоких окон открывается вид прямо на главный вход. Ворота открываются.

Темная фигура проскальзывает в щель. Когда она выходит на свет, я могу ее разглядеть: женщина, которую я никогда раньше не видела. Нет, говорю я про себя. *Нет, нет, нет, нет.* Уходи. Рев в моей голове становится все громче.

– Ты слышала этот стук?

Я поворачиваюсь. *Putain.* Камилла развалилась на диване, в руках тлеет сигарета, на подлокотник она закинула ноги в сапогах из искусственной кожи на двенадцатисантиметровых каблуках. Когда она пришла? Как долго пряталась там, в темноте?

– Я думала, тебя нет дома, – говорю я. Обычно, если она идет в клуб, то тусит до рассвета.

– *Oui.*⁶ – Она пожимает плечами, затягиваясь сигаретой. – Вернулась двадцать минут назад. – Даже в полумраке я могу разглядеть, как она отводит глаза. Обычно она сразу рассказывает какую-нибудь историю о потрясающем новом клубе, или о парне, из постели которого только что выпрыгнула, включая чрезмерно подробное описание его члена или того, как искусно он им пользовался. Мне часто казалось, что я живу не сама, а через Камиллу. Хотя я и благодарна ей, что хоть кто-то решил потусоваться со мной. Когда мы встретились в Сорбонне, она призналась мне, что ей нравится коллекционировать людей, и я заинтересовала ее своей «жгучей энергией». Но во времена полного отчаяния я подозревала, что, вероятно, все же дело было в квартире.

⁶ Да (*фр.*).

– Где ты была? – спросила я, пытаюсь говорить нормальным голосом.

Она пожимает плечами.

– Тут, рядом.

Я чувствую, что с ней что-то происходит, она что-то умалчивает. Но в этот миг я не могу думать о Камилле. Гул в моей голове внезапно заглушает все мысли.

Есть только одно, что я знаю наверняка. Все, что здесь произошло, случилось из-за него: Бенджамина Дэниелса.

ДЖЕСС

Я стою в темном внутреннем дворике. Плющ здесь совсем сошел с ума, вьется, захватывая все новые и новые территории, уже добрался до четвертого этажа, опутывает все окна, проглатывает водосточные трубы, спутниковые тарелки. Впереди между клумбами, засаженными разными кустами и деревьями, короткая тропинка. Воздух наполнен сладковатым запахом опавших листьев, свежевскопанной земли. Справа от меня что-то вроде будки, чуть больше садового сарая. Два окна, закрыты ставнями. Сквозь щель с одной стороны пробивается крошечный лучик света.

В противоположном углу я различаю дверь, наверное, это и есть главный вход в дом. Я иду по тропинке в ту сторону. Вдруг из темноты возникает бледное лицо. Я резко останавливаюсь. Ух, это всего лишь статуя обнаженной женщины в

полный рост, ее тело обвито черным плющом, пустые глаза таращатся на меня.

У двери в углу двора есть другой домофон, но, слава богу, он открывается тем же набором цифр. Я прохожу в темное гулкое пространство. Лестница тянется вверх в непроглядный мрак. Я нахожу маленький выключатель на стене, щелкаю. С гудением загорается тусклый свет. Тиканье: наверное, счетчик. Теперь я вижу, что под ногами темно-красный ковер, он покрывает каменный пол, а затем поднимается вверх по полированной деревянной лестнице. Надо мной перила закручиваются, а внутри лестничной клетки спрятана шахта лифта – крошечная, дряхлая, хлипкая с виду капсула, наверное, такая же старая, как и дом, она выглядела настолько древней, что я задалась вопросом, действительно ли она до сих пор работает. Пахнет застоявшимся сигаретным дымом. И все же, очень мило, так далеко от того места в Брайтоне, куда я заваливалась спать.

Слева от меня – дверь: написано *Cave*.⁷ Я всегда не выносила закрытых дверей: скажем так, это была моя главная проблема в жизни. Я толкаю ее, вижу лестничный пролет, меня обдает порывом холодного воздуха, сырого и затхлого.

Затем я слышу шум где-то надо мной. Скрип дерева. Я закрываю дверь и вглядываюсь вверх. Что-то движется вдоль стены выше на несколько пролетов. Я жду, когда кто-нибудь покажется из-за угла. Но тень замирает, затаившись. А потом

⁷ Подвал (фр.).

внезапно все погружается во тьму: наверняка вышло время счетчика. Я протягиваю руку, включаю его снова.

Тень исчезла.

Я подхожу к лифту и его металлической клетке. Это явный антиквариат, но я настолько вымотана, что от мысли тащить все свои вещи по этой лестнице уже тяжело. Внутри едва хватает места для меня и чемодана. Я закрываю маленькую дверцу, нажимаю кнопку третьего этажа, хватаюсь рукой за конструкцию, чтобы удержаться. Она поддается давлению моей ладони, и я быстро отдергиваю руку. Когда лифт трогается, я немного вздрагиваю; перевожу дух.

Поднимаюсь: на каждом этаже по одной двери с медным номерком. Здесь что, только по одной квартире на этаже? Наверное, они довольно просторные. За их дверями я представляю себе спящих незнакомцев. Интересно, кто они, какие у Бена соседи. И сама гадаю, в какой квартире живет придурак, которого я встретила у ворот.

Толчок – и лифт останавливается на третьем этаже. Я выхожу на лестничную площадку, волочу за собой чемодан. Вот она: квартира Бена с медным номером 3.

Несколько раз громко стучу в нее.

Нет ответа.

Присаживаюсь на корточки и смотрю в замочную скважину. Старый замок, такие вскрыть проще всего. Другого выхода нет. Я снимаю свои серьги-кольца и сгибаю их – в этом удобство дешевой бижутерии – и остаюсь с двумя длинными

ми тонкими кусочками металла. Делаю отмычку. На самом деле это Бен в детстве научил меня, так что ему грех жаловаться. Я порядком поднаторела в этом деле и теперь могу вскрыть простой механизм английского замка быстрее, чем за минуту.

Я кручу проволоку в замке, пока не раздается щелчок, потом поворачиваю ручку. Да – дверь поддается. Я замираю. Что-то в этом не так. С годами я научилась довольно часто полагаться на свое чутье. Со мной это уже случалось. Я обхватила дверную ручку, не зная, что меня ждет по ту сторону...

Глубокий вдох. На миг мне кажется, что воздух вокруг меня сгущается. Я сжимаю свою подвеску. Это Святой Христофор: мама подарила по такому нам с Беном, чтобы он нас оберегал, – хотя вообще-то это была ее обязанность, не стоило делегировать это маленькому металлическому святому. Я не была верующей, и не уверена, что мама была. И все же я не представляла, что когда-нибудь расстанусь со своим Христофором.

Другой рукой я нажимаю на ручку. Не могу удержаться и крепко зажмуриваюсь, шагая вперед.

Внутри кромешная тьма.

– Бен? – кричу я.

Нет ответа.

Я иду дальше внутрь, нащупываю выключатель. Загорается свет, и передо мной предстает квартира. Моя первая

мысль: Господи, она огромная. Даже больше, чем я ожидала. Величественнее. Высокие потолки. Темные деревянные балки наверху, полированные половицы внизу, огромные окна, выходящие во внутренний двор.

Еще один шаг в комнату. И в этот момент что-то валится мне на плечи: тупой, тяжелый удар. Затем укус чего-то острого, вонзающегося в мою плоть.

КОНСЬЕРЖКА

Будка

Я увидела из окна моей будки, как во двор прошла первая фигура с капюшоном на голове. Затем я заметила вторую фигуру. Девушку, новенькую. Грохотала этим огромным чемоданом по брусчатке, так шумела, того гляди мертвых разбудит.

Я наблюдала за ней по экрану домофона.

Я профессиональный наблюдатель. Подметаю коридоры жильцов, собираю почту, открываю дверь. Но еще все время слежу. И все вижу. Это наделяет меня властью, пусть и понимаю это только я. Жильцы забывают обо мне. Им удобно так делать. Представлять, что я всего лишь продолжение этого здания, просто деталь большого механизма, вроде лиф-

та, который поднимает их в прекрасные апартаменты. В каком-то смысле я действительно стала частью этого места. И конечно, это наложило на меня отпечаток. За годы жизни в этом крошечном домике я незаметно съежилась, сгорбилась и часы, проведенные за подметанием и мытьем коридоров и лестниц, иссушили мою плоть. Возможно, в другой жизни я бы располнела на старости лет. Но я не могла позволить себе такую роскошь. Я – вся жилы да кости. И я сильнее, чем кажусь на первый взгляд.

Наверное, я могла бы пойти и остановить ее. Должна была это сделать. Не знаю, почему не сделала. Но идти напролом – не мой конек. Наблюдение – более мощное оружие. К тому же было что-то необратимое во всем этом. Ее настойчивость. Она все равно бы каким-то образом попала внутрь, что бы я ни делала, как бы ни пыталась ей помешать.

Глупая девчонка. Было бы намного, намного лучше, если бы она развернулась, ушла и никогда бы сюда не возвращалась. Но теперь уже слишком поздно. Что ж, пусть так и будет.

ДЖЕСС

Мое сердце бьется с удвоенной силой, мышцы напряжены.

Я смотрю вниз на кота, он, мурлыча, трется об мои ноги. Изящный, черненький, с белой манишкой. Я касаюсь рукой

затылка. На моих пальцах кровь. Ох.

Наверняка кот запрыгнул мне на спину, и, когда я упала, вонзил когти. Теперь он смотрит на меня, прищурив свои зеленые глаза, и издает пронзительное «мяу», будто спрашивая, какого черта я здесь делаю.

Кот! Боже правый! Меня разбирает смех, но я быстро замолкаю, слишком уж странно звучит эхо в просторной квартире.

А я была и не в курсе, что у Бена есть кот. Разве он любит кошек? Жаль, что мне так мало о нем известно. Хотя я вообще не так уж много знаю о его нынешней жизни.

– Бен? – кричу я. И вновь ко мне возвращается эхо моего голоса. Никто не отвечает. Такого я не ожидала: здесь слишком тихо, слишком пусто. А еще странный запах. Какой-то химический.

Внезапно мне захотелось выпить. Я захожу на маленькую кухню и начинаю рыться в шкафах. Сперва – главное. Нахожу полбутылки красного вина. Не очень-то люблю вино; предпочитаю что-нибудь покрепче, но у нищих нет выбора, эта фраза сошла бы за девиз всей моей дерьмовой жизни. Я плеснула вина в стакан. Рядом обнаружили сигареты, ярко-синяя пачка «Житан». Я не знала, что Бен все еще курит. Неудивительно, что братец выбрал модную марку французских сигарет. Я выуживаю одну, закуриваю, затягиваюсь и кашляю, как в первый раз, когда один знакомый парнишка из приемной семьи дал мне затянуться: крепкая, пряная си-

гарета, без фильтра. Мне не особо понравилось. Тем не менее я засовываю оставшуюся пачку в задний карман джинсов — он мне должен — и впервые как следует осматриваю квартиру.

Я, мягко говоря... удивлена. Не помню, что именно я себе представляла, но точно не это. У Бена был вкус, щегольство (хотя я никогда не говорила ему это в лицо), а квартира, где он поселился, оклеена старинными старушечьими обоями, серебристыми в цветочек. Коснувшись ближайшей стены, я понимаю: это все-таки не бумага, а давно выцветший шелк. Там, где когда-то висели картины, обои ярче, а еще замечаю маленькие ржавые пятна на ткани. С высокого потолка свисает люстра с завитками. Длинная нить паутины лениво раскачивается взад и вперед — должно быть, откуда-то дует ветерок. И, возможно, за этими оконными ставнями когда-то были занавески: я вижу наверху пустой карниз, медные кольца все еще на месте. Прямо перед окнами письменный стол. Полка с несколькими книгами в кремовых обложках, большой темно-синий словарь французского языка.

В углу вешалка, на ней только куртка цвета хаки; припоминаю, видела ее на Бене. Может быть, даже в последний раз около года назад, когда он приехал в Брайтон и пригласил меня на обед, перед тем как снова исчезнуть из моей жизни. Я обыскиваю карманы и вытаскиваю связку ключей и коричневый кожаный бумажник.

Разве не странно, что Бен не прихватил их с собой?

Я открываю бумажник: в заднем кармане несколько евро. Прикарманиваю двадцатку, а затем, на всякий случай, еще и пару десятков. Все равно я бы попросила одолжить немного денег, будь он здесь. Верну ему... когда-нибудь.

Впереди, в отделении для банковских карт вставлена визитка: Тео Мендельсон. Парижский редактор, «Гардиан». И шариковой ручкой написано, видимо, почерком Бена (порой он присылает мне открытки на день рождения): ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ ИСТОРИЕЙ! ХОЧЕТ ПОДРОБНОСТЕЙ.

Затем я перевожу взгляд на ключи. Один из них для скутера «Веспа», что странно, поскольку в последний раз я видела Бена за рулем старого «мерседеса» с откидным верхом. Другой ключ – тяжелый, антикварный, больше подходит для этого места. Я подхожу к двери и пробую ее: замок щелкает.

В глубине живота нарастает неприятное чувство. Может, у него еще один набор ключей, рассуждаю я. Это могут быть запасные, которые он собирался мне одолжить. Возможно, у него есть дополнительный ключ от «Веспы»: может, он даже куда-то на ней уехал. Что касается бумажника, то, наверное, просто носит с собой наличные.

Затем я нахожу ванную. Здесь особо рассказывать нечего, разве что у Бена вообще нет полотенец, что довольно странно. Я возвращаюсь в гостиную. Проход в спальню через закрытые французские двойные двери. Я направляюсь к ним, кот следует за мной как тень. На долю секунды я останавливаюсь.

Кот снова мяукает, словно спрашивая: ну и чего же ты ждешь? Я потягиваю вино. Вдыхаю поглубже. Распахиваю двери. Еще один вдох. Открываю глаза. Пустая кровать. Пустая комната. Никого. Выдыхаю.

О'кей. Я и в самом деле не ожидала, что обнаружу такое. Это не Бен. С Беном все в порядке; это я все напутала. Но когда однажды с тобой уже произошло такое...

Покончив с вином, я приступаю к обыску шкафов в спальне. Ничего интересного, единственное, что мне удалось узнать: большая часть одежды брата из «Акне Студиос» (кому в голову пришло назвать так марку) и «Эй. Пи. Си».

Вернувшись в гостиную, выливаю остаток из бутылки в бокал и подхожу к столу у больших окон. На столе нет ничего, кроме старой авторучки. Даже ноутбука. Мне казалось, Бен никогда с ним не расстанется, даже когда мы обедали, он что-то печатал, ожидая заказ. Я думала, он вечно таскает его с собой повсюду.

Внезапно у меня возникает четкое ощущение, что я не одна, что за мной наблюдают. По спине бегут мурашки, кто-то точно вливается в меня взглядом. Я оборачиваюсь. Никого, кроме сидящего на кухонном столе кота.

Кот смотрит на меня несколько секунд, затем склоняет голову набок. Впервые я вижу, чтобы он сидел так спокойно. Он подносит лапу ко рту и облизывает. Именно тогда я замечаю, что и лапа, и белая манишка испачканы кровью.

ДЖЕСС

Я пытаюсь поймать кота, чтобы рассмотреть поближе, но он выскальзывает из рук. Может быть, он просто поймал мышь или кого-то еще? В одной из моих приемных семей была кошка, Сьюки. И хотя она была мелкой, но могла изловчиться и поймать голубя: однажды она вернулась как из фильма ужасов, вся в крови, а утром моя приемная мать Карен нашла обезглавленную птичку. Уверена, что где-то в квартире лежит какое-то маленькое мертвое существо, которое только и ждет, когда я на него наступлю. Или, может быть, кот убил кого-то там, во дворе – окна приоткрыты, должно быть, так он выходит из дома и возвращается обратно.

Тихо, надо успокоиться. Меня немного трясет. Когда это бросилось мне в глаза, я подумала...

Нет. Я слишком устала. Просто нужно немного поспать.

Бен появится утром, расскажет, где он был, а я предъявлю ему, какой он козел, что бросил меня одну, и мне пришлось вломиться в квартиру, и это будет как в *старые* добрые времена, совсем старые, до того, как он переехал жить в прекрасную богатую новую семью и зажил абсолютно новой жизнью, пока меня перекидывали из семьи в семью, до тех пор, пока я не повзрослела и могла справиться сама. Уверена, с ним все в порядке. С Беном ничего плохого не случается. Он везунчик.

Я снимаю куртку и бросаю ее на диван. Стоило бы принять душ – уверена, я воняю. Немного пахнет потом, но в основном несет уксусом: невозможно работать в «Копакабана» и не вонять этой дрянью, мы пользуемся уксусом, чтобы отдраить бар после каждой смены. Но я слишком устала. Вроде бы Бен упоминал раскладушку, но что-то я ее здесь не наблюдаю. Поэтому я спрыгиваю с дивана и валюсь в спальне на кровать поверх одеяла, прямо в одежде. Я взбиваю подушки, пытаюсь устроиться поудобнее. И тут что-то соскальзывает с кровати на пол.

Пара женских трусиков: шелковые, черные, кружевные, дорогие на вид. Господи, Бен. Мне не хочется думать о том, как они здесь оказались. Я даже не знаю, есть ли у Бена девушка. Мне становится грустно. Он – все, что у меня есть, а я столько о нем не знаю.

Но я слишком вымотана, чтобы предаваться размышлениям, поэтому я просто отбрасываю трусики подальше. Завтра я буду спать на диване.

ДЖЕСС

Мужской голос. Затем другой голос, женский.

Через несколько мгновений тишину разрывает крик.

Я сажусь в постели, напряженно прислушиваясь, сердце того гляди выскочит из груди. Через мгновение до меня доходит: звуки доносятся со двора. Я проверяю будильник ря-

дом с кроватью Бена. Шесть: уже утро, но все еще темно.

Мужчина снова кричит. Но слов не разобрать, какой-то пьяный бред.

Я крадусь через гостиную к окнам и приседаю. Кот тычет мордой в бедро и мяукает. «Ш-ш», – грозно шиплю я ему, хотя мне и приятно чувствовать рядом его теплое тельце.

Я смотрю на двор. Там внизу стоят две фигуры: одна высокая, другая намного меньше. Парень темноволосый, она блондинка, длинные ниспадающие волосы серебрятся в холодном свете единственного во дворе фонаря. На нем куртка с меховой оторочкой, уже знакомая мне: этого парня я встретила за воротами прошлой ночью.

Их голоса становятся громче – они перекрикивают друг друга. Я почти уверена, что слышу, как она произносит слово «полиция». При этом его голос меняется – я не понимаю слов, но различаю угрозу в интонации. Он приближается к ней.

– *Laissez-moi!*⁸ – кричит девушка, и теперь ее голос звучит иначе – скорее испуганно, чем сердито. Он еще на один шаг ближе к ней. Я так сильно прильнула к окну, что от моего дыхания стекло запотело. Я не могу просто сидеть здесь, слушать, наблюдать. Он заносит руку. Он намного выше ее.

Внезапное воспоминание. Рыдающая мама. *Прости, прости*: снова и снова, повторяет она как молитву.

Я подношу руку к окну и барабаню по стеклу. Хочу от-

⁸ Оставь меня (*фр.*).

влечь его на несколько секунд, дать ей время убежать. Они оба обескураженно поднимают глаза, мне удалось привлечь их внимание, и я пригибаюсь, скрываясь из виду.

И выглядываю как раз в тот момент, когда он поднимает что-то с земли, что-то массивное, увесистое, прямоугольное. Парень швыряет предмет прямо в нее. Девушка отступает назад, и тот разлетается у ее ног: это чемодан, повсюду разбросана одежда.

Теперь он смотрит прямо на меня. На этот раз я не успеваю быстро скрыться из виду. Я не могу пошевелиться и понимаю, что означает его взгляд. *Я увидел тебя. Уясни это.*

Да, думаю я, оглядываясь назад. *И я вижу тебя, придурок. Я знаю таких как ты. Меня не напугаешь.* Хотя у самой с перепугу зашевелились волосы на затылке.

Он подходит к статуе и сталкивает ее с пьедестала, так что она с грохотом падает на землю. Затем он направляется к двери в дом. Я слышу хлопок на лестничной клетке.

Женщина ползает на коленях, собирая выпавшие из чемодана вещи. Еще одно воспоминание: мама, ползающая на коленях в коридоре. Просящая...

Где остальные соседи? Я же не единственный свидетель ссоры. Спуститься и помочь – это не вопрос выбора, это обязанность. Я хватаю ключи, бегом преодолеваю пару лестничных пролетов.

Когда я оказываюсь на улице, женщина поднимает глаза, все еще стоя на четвереньках.

– Привет, – осторожно начинаю я. – С тобой все хорошо?

Она поднимает что-то вроде шелковой рубашки; она вся перепачкана грязью. Затем отвечает на английском с сильным акцентом:

– Я пришла за вещами. Сказала ему, все кончено, навсегда. И это... он так поступает. Он... сукин сын. Не стоило выходить за него замуж.

Господи, думаю я. Вот почему лучше оставаться одной. Маму влекло к мерзавцам, но она, по крайней мере, не вышла замуж ни за одного из этих отморозков; хотя, может, она и не пыталась. Правда, мой отец все равно был худшим из всех. Ей казалось, он хороший парень. На деле – гребаный ублюдок. Было бы лучше, если бы он убежал в ночи так же, как папаша Бена, тот успел исчезнуть еще до рождения сына.

Женщина что-то бормочет себе под нос, запихивая одежду в чемодан. Похоже, ярость взяла верх над страхом. Я подхожу и, опустившись на корточки, помогаю ей собрать вещи. Туфли на высоких каблуках, черный шелковый кружевной бюстгальтер, маленький оранжевый свитер из очень мягкой на ощупь ткани.

– *Merci*⁹, – рассеянно говорит она и хмурит брови. – Кто ты? Я никогда тебя раньше здесь не видела.

– Я собираюсь пожить у моего брата, Бена.

– *Бен*, – говорит она, растягивая его имя. Она оглядывает меня с головы до ног, задерживаясь на моих джинсах и по-

⁹ Спасибо (фр.).

трепанном свитере. Он *твой* брат? – До него я думала, что все англичане загорелые, неряшливые, с плохими зубами. Я и не знала, что они могут быть такими... такими привлекательными, такими *charmant*¹⁰, *so soigne*¹¹. – Очевидно, в английском языке не хватает слов, чтобы описать, какой мой брат замечательный. Она продолжает запихивать вещи в чемодан, и я замечаю, как хмуро она смотрит на дверь дома. – Неужели так странно, что мне наскучило жить с тупым идиотом... неудачником *alcoolique*¹²? Я хотела всего лишь немного пофлиртовать. И *d'accord*¹³, может быть, я хотела заставить Антуана немного поревновать? Чтобы он позаботился о ком-то другом, кроме себя. Неужели это так странно, что я стала искать внимания в другом месте? – Она перекидывает волосы через плечо. Выглядит впечатляюще, учитывая, что она сидит на корточках и собирает кружевное нижнее белье с гравийной дорожки.

Она смотрит в сторону дома и повышает голос, словно хочет, чтобы ее муж услышал.

– Антуан говорит, что я вожусь с ним только из-за денег. Конечно, я вожусь с ним из-за денег. Это единственная – как бы это сказать – стоящая вещь? Но теперь... – она пожимает плечами, – это того не стоит.

¹⁰ Очаровательный (*фр.*).

¹¹ Ухоженный (*фр.*).

¹² Алкоголиком (*фр.*).

¹³ Ладно, хорошо (*фр.*).

– Ты недавно видела Бена?

– *Non*, – отвечает она, приподнимая бровь, будто я на что-то намекаю.

– Прошлой ночью он должен был быть здесь, чтобы впустить меня, но его не было – и он не ответил на мои сообщения.

Ее глаза округляются, и она опять что-то бормочет.

– *Antoine... non. C'est n'est pas possible...*¹⁴

– Что ты говоришь?

– О, *rien, ничего*. – Но я ловлю взгляд, который она бросает в сторону дома, – испуганный, даже подозрительный, – и задаюсь вопросом, что все это значит.

Теперь она пытается застегнуть свой раздутый чемодан – из коричневой кожи с каким-то огромным логотипом, – но я вижу, ее руки дрожат, пальцы не слушаются.

– *Merde*. – Наконец она его захлопывает.

– Эй, – говорю я. – Не хочешь зайти внутрь? Вызвать такси?

– Ни за что, – возмущается она. – Я никогда туда не вернусь. Ко мне едет «Убер»... – Как по заказу, жужжит ее телефон. Она проверяет его и издает что-то похожее на вздох облегчения. – *Merci putain*. Он здесь. Мне пора. – Затем она поворачивается и смотрит на дом. – Знаешь, что? К черту, это дьявольское место. – Вдруг ее лицо проясняется, и она посылает воздушный поцелуй в окна над нами. – Но, по край-

¹⁴ Антуан... нет. Это невозможно... (*фр.*).

ней мере, одна хорошая вещь со мной здесь произошла.

Она тащит за ручку небольшой чемоданчик, затем поворачивается и начинает двигаться к воротам.

Я спешу за ней.

– В смысле дьявольское?

Она смотрит на меня и мотает головой, изображая, как застегивает молнию на губах.

– Я хочу получить свою долю денег при разводе.

Затем она выходит на улицу и садится в такси. Когда оно уезжает в ночи, я понимаю, что мне так и не удалось спросить, было ли у нее что-то с моим братом, нечто большее, чем флирт.

Я поворачиваюсь обратно во двор и подскакиваю от испуга. Господи боже. Пожилая женщина стоит и смотрит на меня. Кажется, она источает холодный белый свет, как пришелец из сериалов про паранормальные явления. Но успокоившись, я понимаю, что она просто стоит под уличным фонарем. Откуда, черт возьми, она появилась?

– *Excusez moi?* – спрашиваю я. – *Madame?* – Я даже не уверена, о чем хочу ее спросить. *Кто вы, может быть? Что вы здесь делаете?*

Она не отвечает. Она просто качает головой, очень медленно. Затем отступает назад, к будке в углу двора. Я смотрю, как она исчезает внутри. И ставни окон быстро закрываются.

НИК

Второй этаж

Я наклоняюсь к рулю велотренажера «Пелотон», привставая в седле. Пот щиплет глаза. Легкие как будто переполнены кислотой, а не воздухом, пульс так зашкаливает, что у меня вот-вот случится сердечный приступ. Я еще сильнее кручу педали. Хочу пойти на рекорд. В глазах пляшут крошечные звездочки. Все поплыло. На миг кажется, что я сейчас потеряю сознание. Может быть, так оно и есть – следующее, что я помню, как навалился вперед на руль, и механизм с жужжанием опустился вниз. Внезапно к горлу подступает тошнота. Я сдерживаюсь, заглатываю побольше воздуха.

Я начал крутить педали на велотренажере в Сан-Франциско. Булетпруф кофе¹⁵, кето диета, Бикрам йога – практически любая причуда, которой увлекался технологичный мир, если она давала хоть малейшее преимущество или порцию дополнительного источника вдохновения. Обычно я сижу и занимаюсь, слушаю выступления на Ted. Сегодня утром все по-другому. Я хотел раствориться в чистом напряжении,

¹⁵ Модный в США кофейный напиток. Представляет собой смесь кофе, сливочного и кокосового масла.

пробиться туда, где мысли затихают. Сейчас раннее утро, начало пятого, но я знал, что не засну. Единственным разумным решением оказалось сесть на велосипед.

Я слезаю с тренажера, немного пошатываясь. Велосипед – один из немногих предметов в этой комнате, кроме аймака и книг. На стенах ничего нет. Никаких ковров на полу. Отчасти потому, что я приверженец эстетики минимализма. Отчасти потому, что я все еще чувствую, будто не переехал сюда окончательно, и в любой момент могу встать и уйти.

Я вытаскиваю наушники из ушей. Мне кажется, я слышу какой-то звук там, во дворе. Я подхожу к окну, мышцы на икрах подергиваются.

Поначалу ничего не вижу. Затем мой взгляд улавливает какое-то движение, и я замечаю девушку. В ней есть что-то знакомое, в том, как она двигается. Трудно разобрать, но мозги работают, я словно пытаюсь вспомнить забытое слово, которое так и вертится на языке.

Теперь я вижу, что в квартире на третьем этаже горит свет. И понимаю, что, должно быть, она как-то связана с ним. С моим старым приятелем и – до недавнего времени еще и соседом – Бенджамином Дэниелсом. Однажды он рассказал мне о своей младшей сестре. Сводной сестре. Так, мельком. Сложный случай. Как бы он ни пытался убежать от своей прежней жизни, она все равно его настигала. Но не припоминаю, чтобы он говорил о ее приезде. Но разве Бен впервые что-то утаивает от меня?

ДЖЕСС

У меня болит горло, на лбу выступил маслянистый пот. Я оглядываю высокий потолок надо мной и пытаюсь понять, где нахожусь. Теперь я вспоминаю, как прошлой ночью добралась сюда... ту сцену во дворе пару часов назад. Еще не рассвело, так что после этого я вернулась в постель. Не думала, что смогу заснуть, но, должно быть, все-таки задремала. Однако я не чувствую себя отдохнувшей. Все тело болит, будто я с кем-то дралась. Наверняка я *дралась* во сне. Один из тех кошмаров, от которых ты с облегчением просыпаешься. Постепенно возвращаются обрывки воспоминаний. Я пыталась попасть в запертую комнату, но руки не слушались. Кто-то – быть может, Бен? – кричал мне, чтобы я не открывала дверь, *ни в коем случае не открывала дверь*, но я знала, что должна открыть, у меня нет другого выбора. И вот наконец дверь открылась, и я вдруг поняла, что он был прав – о, почему я его не послушала? Потому как то, что оказалось за дверью...

Сажусь в постели. Проверяю свой телефон. Семь утра. Никаких сообщений. Новый день, а от моего брата по-прежнему нет никаких известий. Я набираю его номер: сразу включается автоответчик. Снова прослушиваю голосовое сообщение, инструкцию для меня. «Просто позвони в звонок. Я буду ждать тебя...»

И на этот раз я замечаю странность. Будто что-то обрывается в конце.

Тревога усиливается.

Я иду в гостиную, открываю ставни, впуская серое утро. При дневном свете комната еще сильнее напоминает музей. можно разглядеть парящие в воздухе пылинки. И в глаза бросается то, что я пропустила прошлой ночью. На паркете, примерно в метре от входной двери большое светлое пятно. Я сажусь на корточки и изучаю его. В нос бьет запах – странный запах, я уловила его еще прошлой ночью, – он проникает в легкие и дерет горло. Обжигающий ноздри химический привкус. Отбеливатель. Но это еще не все. В щели между половицами что-то застряло, я вижу как оно поблескивает в холодном свете. Я пытаюсь вытащить его пальцами, но оно крепко застряло. Я беру пару вилок и стараюсь поддеть предмет. В конце концов у меня получается. Сначала показывается длинная позолоченная цепочка, затем кулон: изображение святого в плаще, с посохом в руках.

Святой Христофор Бена. Я ощупываю свой кулон. Никогда не видела Бена без этой подвески. Думаю, он никогда его не снимал, потому что тот достался ему от матери. Это одна из немногих вещей, которые у него сохранились от нее. Может быть, во мне говорит чувство вины, но я подозреваю, что Бен более сентиментален в подобных вещах, чем я. Во всех делах, связанных с мамой.

И вот еще. Цепочка порвана.

ДЖЕСС

Я сижу и стараюсь не паниковать. Пытаюсь найти разумное объяснение происходящему. Должна ли я позвонить в полицию? Что бы сделал на моем месте нормальный человек? Очевидно, что все это очень странно. Бен пропал, не отвечает на звонки. Кровь на кошачьей шерсти. Пятно от отбеливателя. Порванная цепочка. Но сильнее прочего смущает атмосфера... то, что витает в воздухе. Все кажется неправильным. *Всегда прислушивайся к внутреннему голосу*, так учила нас мама. *Никогда не подавляйте чувства*. Правда, с ней это сыграло злую шутку. Но в каком-то смысле она была права. Именно чутье подсказало мне, запираюсь ночью в своей спальне еще до того, как другой ребенок рассказал мне о предпочтениях моего приемного отца мистера Андерсона. Но гораздо раньше, до того, как я начала скитаться по приемным семьям, я поняла: не стоит заходить в запертую комнату – но все равно зашла.

Впрочем, звонить в полицию я не собираюсь. *Они могут захотеть кое-что узнать о тебе*, шепчет тихий голос. *Они могут задать вопросы, на которые ты не захочешь отвечать*. Я была не в ладах с полицией. Точнее сказать, у меня были кое-какие проблемы с законом. И даже несмотря на то, что он сам напросился, то, что я сделала с этим ублюдком, технически тянет на преступление. Поэтому прямо сейчас

без крайней необходимости я не хочу попадаться на глаза стражам порядка.

Кроме того, мне действительно нечего им сказать, не так ли? Может, кот убил мышь? Может, цепочка порвалась сама по себе? Может, брат только что свалил, в очередной раз бросив меня на произвол судьбы?

Нет, этого недостаточно.

Я обхватываю голову руками и пытаюсь сообразить, что делать дальше. Мой живот издает долгое, протяжное урчание. Не могу вспомнить, когда в последний раз ела. Прошлой ночью я представляла, что, когда приеду, Бен пожарит мне яичницу или еще что, или мы закажем еду домой. Хотя сейчас от мысли о еде меня мутит. Но, может, подкрепившись, я приду в себя.

Я роюсь в холодильнике и шкафах, но не нахожу ничего, кроме полпачки масла и палки салями. Один шкаф отличается от остальных: это какая-то полость с чем-то похожим на систему роликов, но я не могу сообразить, для чего она предназначена. В отчаянии я отрезаю острым японским ножом немного салями, но вряд ли это тянет на сытный завтрак.

Я кладу в карман связку ключей, найденную в куртке Бена. Теперь я знаю код, у меня есть ключи. Могу сюда вернуться.

При свете дня внутренний двор выглядит не так жутко. Я прохожу мимо обломков статуи обнаженной женщины, голова откололась, глаза смотрят в небо. Одна из клумб вы-

глядит так, будто ее только что перекопали, поэтому вчера пахло свежевспаханной землей. А еще там есть маленький фонтан. Бросив взгляд на крошечный домик в углу, я подмечаю темную щель между закрытыми ставнями; идеальное место для наблюдения за всем, что здесь происходит. Предполагаю, как она следит за мной оттуда: пожилая женщина, которую я встретила прошлой ночью, кажется, она там живет.

Закрывая дверь квартиры, я не могу побороть ощущение, что здесь что-то неладно. Удивительно прекрасные здания вокруг меня, машины с незнакомыми номерами. Вынырнув из тишины тупика, я замечаю, что в дневном свете улицы выглядят по-другому, гораздо оживленнее. Они даже пахнут иначе: бензином, сигаретным дымом и свежим кофе. Должно быть, ночью шел дождь, потому что брусчатка мокрая и скользкая. Кажется, здесь все поголовно точно знают свой маршрут: я путаюсь под ногами у какой-то женщины, занятой телефонным разговором, чуть не сталкиваюсь с парой подростков на электросамокате. Никогда не чувствовала себя настолько беспомощной, словно рыба, выброшенная на берег.

Я брожу мимо витрин магазинов с опущенными решетками, мимо кованых железных ворот, скрывающих дворы и сады, полные опавших листьев, бреду мимо аптек с мигающими неоновыми крестами – кажется, они на каждой улице, французы что, болеют больше других? Я наворачиваю круги

по городу, пару раз я даже заплутала. Но наконец мне удалось найти витрину с вывеской изумрудно-зеленого цвета с золотистой надписью BOULANGERIE¹⁶. Стены и пол внутри выложены узорчатой плиткой, пахнет жженым сахаром и топленым маслом. Здесь битком: длинная очередь постоянно удваивается. Я жду, уставившись на прилавок с всевозможными штучками, которые выглядят слишком совершенными, чтобы быть съедобными: крошечные пирожные с глазированной малиной, эклеры с фиолетовой глазурью, крохотные шоколадные пирожные в тысячу очень тонких слоев, покрытых сверху чем-то золотым, и еще больше хочу есть. Люди передо мной делают серьезный заказ: три буханки хлеба, шесть круассанов, яблочный пирог. У меня текут слюнки. Я чувствую в своем кармане шелест банкнот, которые стащила из бумажника Бена.

У женщины передо мной волосы настолько идеальны, что кажется будто это парик: черный блестящий боб, ни одной выбившейся пряди. Шелковый шарф, повязанный вокруг шеи, пальто цвета «кэмел» и черная кожаная сумочка. Она выглядит богатой. Не кричаще богатой. А по-французски сдержанно. У вас никогда не будет таких волос, только если вы проводите дни ничего толком не делая.

Опустив взгляд, я вижу тощую серебристую собаку на бледно-голубом кожаном поводке. Она смотрит на меня с подозрением.

¹⁶ Булочная (фр.).

Женщина за прилавком протягивает покупательнице коробку пастельных тонов, перевязанную лентой:

– *Voilà, Madame Meunier.*¹⁷

– *Merci.*

Она поворачивается, и я вижу на ее губах красную помаду, нанесенную так искусно, будто это татуаж. Мне кажется, ей около пятидесяти – но она очень хорошо сохранилась для своих лет. Женщина кладет свою карточку обратно в бумажник. И вдруг что-то падает на землю – клочок бумаги. Купюра?

Я наклоняюсь, чтобы поднять ее. Внимательно смотрю. Не купюра, что очень обидно. Такие как она вряд ли упустят лишние десять евро. Это записка, написанная от руки, нацарапанная большими заглавными буквами. Я читаю: *double la prochaine fois, salope*¹⁸.

– *Donne-moi ça!*¹⁹

Я поднимаю глаза. Женщина пристально смотрит на меня, протянув руку. Мне кажется, я понимаю, о чем она просит, но она так груба, будто королева с простлюдином, поэтому я специально притворяюсь, что не понимаю.

– Прошу прощения?

Она переходит на английский.

– Дайте это мне. – И наконец добавляет: – Пожалуйста.

¹⁷ Держите, мадам Менье (*фр.*).

¹⁸ В следующий раз в два раза больше, сука (*фр.*).

¹⁹ Дайте мне это сюда (*фр.*).

Я медленно протягиваю записку. Она выхватывает ее так быстро, что я чувствую, как один из ее длинных ногтей царапает мою кожу. Не удостоив меня благодарностью, она скрывается за дверь.

— *Excuses-moi? Madame?*²⁰

— Круассан, пожалуйста. — Все остальное, наверное, стоит слишком дорого. Мой желудок урчит, когда я смотрю, как продавщица кладет его в маленький бумажный пакет. — Хотя давайте два.

По дороге в квартиру, шагая по утренним серым и холодным улицам, я жадно заглатываю круассан, а после принимаюсь за второй — уже медленнее, смакуя начинку, наслаждаясь хрустящим тестом. Он такой вкусный, что я едва не прослезилась, а я не так уж часто плачу.

Вернувшись в дом, я прохожу через ворота с помощью кода, который узнала вчера. Во дворе я улавливаю запах сигаретного дыма. Я поднимаю взгляд. На балконе четвертого этажа сидит девушка с сигаретой в руке. Бледное лицо, растрепанные темные волосы, вся в черном, с ног до головы. Она молода, ей от силы девятнадцать-двадцать лет. Она замечает, что я смотрю на нее, и замирает.

Ты. Ты что-то знаешь, раз тоже смотришь на меня. И я заставлю тебя рассказать мне.

²⁰ Извините. Мадам? (*фр.*).

МИМИ

Четвертый этаж

Она видела меня. Та женщина, приехавшая прошлой ночью, я опять видела ее сегодня утром, она расхаживала по квартире. Она смотрит прямо на меня. Я не могу пошевелиться.

Шум в моей голове нарастает.

Наконец она отводит взгляд. Когда я выдыхаю, у меня жжет в груди.

За его прибытием я тоже наблюдала отсюда. Это было в начале августа, примерно пару месяцев назад, в разгар жары. Мы с Камиллой сидели на балконе в старых шезлонгах, которые она купила в *brocanteur*²¹, и пили Апероль-Спритц, хотя на самом деле я терпеть не могу Апероль-Спритц. Но Камилле частенько удается уговорить меня на то, чего бы я никогда не сделала.

Бенджамин Дэниелс приехал на «Убере». Серая футболка, джинсы. Темные волосы, довольно длинные. Он выглядел как знаменитость. Ну или, может, не совсем как знаменитость, но... было в нем что-то особенное. Понимаете? Да-

²¹ Комиссионный магазин (*фр.*).

же не могу толком объяснить. Что-то притягательное, магнетическое, отчего хотелось постоянно смотреть на него. *Необходимо* было смотреть на него.

Я была в темных очках, и краем глаза наблюдала за ним, пытаюсь делать вид, что даже не смотрю в его сторону.

Когда он открыл багажник машины, я заметила у него под мышками пятна пота, а там, где задралась футболка, еще и полоску загара. Она заканчивалась на линии джинсов, и там, где начиналась бледная кожа, спускалась стрелка темных волос. Мышцы на его руках напряглись, когда он доставал из багажника сумки. Не как у качка из спортзала. Изящнее. Как у барабанщика: у барабанщиков всегда красивые мышцы. Даже отсюда я могу представить, как может пахнуть его пот – не противно, просто кожей и солью.

Он крикнул водителю:

– Спасибо, приятель! – Я сразу распознала в нем англичанина; я одержима одним старым телесериалом «Молокососы»²², о всех этих подростках из Британии, которые трахаются и трахаются, влюбляются во всех подряд.

– Ммм, – протянула Камилла, приподнимая солнцезащитные очки.

– *Mais non*, – ответила я. – Он же реально старик, Камилла. Она пожала плечами.

– Ему всего тридцать с небольшим.

²² *Skins* – британский драматический телесериал о жизни группы подростков 16–18 лет из Бристоля.

– *Oui*, ну да, он уже старик. Ну как... старше нас на пятнадцать лет.

– Лучше подумай обо всем этом *опыте*. – Она изобразила пальцами латинскую букву «ви» и просунула язык между пальцами.

Это меня рассмешило.

– *Beurk*²³. – Ты отвратительна.

Она вздернула бровь.

– *Pas de tout*.²⁴ Ты поймешь, если твой дорогой папочка когда-нибудь подпустит тебя к каким-нибудь парням...

– Заткнись уже.

– Ну, Мими... Шучу же! Но ты знаешь, что однажды ему придется понять, что ты больше не его маленькая девочка.

Она усмехнулась, посасывая апероль через соломинку. На мгновение мне захотелось ударить ее... И я почти решилась. Я не очень хорошо контролирую свои порывы.

– Он просто... заботливый. – На самом деле это было нечто большее. Но и мне самой не хотелось делать ничего, что могло бы разочаровать отца, испортить его представление обо мне как о его маленькой принцессе.

Хотя я часто хотела вести себя как Камилла. Не волноваться из-за секса. Для нее это просто такое же хобби: как плавать, кататься на велосипеде или загорать. Я даже никогда не занималась сексом, не говоря уже о сексе с двумя парт-

²³ Отвратительный (*фр.*).

²⁴ Нисколечко (*фр.*).

нерами одновременно (это была ее фишка) и не занималась этим еще и с девушками. Знаете, что самое смешное? На самом деле, это отец одобрил ее переезд, и сказал, что жизнь с другой девушкой «может уберечь меня от слишком серьезных неприятностей».

Камилла была в своем самом открытом бикини, три треугольника из светлого вязаного материала, которые почти ничего не прикрывали. Ее ноги прижимались к железной решетке балкона, а ногти на ногах были выкрашены в розовый цвет, как у куклы Барби. Если не считать месяца, проведенного на юге с друзьями, она просиживала там почти каждый жаркий день, становясь все темнее и темнее, обливаясь маслом «Ла Рош Позей». Ее тело словно окунули в золото, волосы приобрели оттенок карамели. А я обгораю на солнце, потому и сижу, как вампир, спрятавшись в тени, одетая в широкую мужскую рубашку с романом Франсуазы Саган в руках.

Она подалась вперед, наблюдая, как мужчина вытаскивает свои чемоданы из машины.

– Боже мой, Мими! У него есть кот. Как *мило*. Видишь его? Смотри, в той переноске. *Salut minou!*²⁵

Она нарочно так сделала, чтобы он поднял глаза и увидел нас – увидел ее.

– Эй! – крикнула она, вставая и махая так сильно, что ее

²⁵ Привет, кошечка (*фр.*).

*nénés*²⁶, подпрыгивали в бикини. — *Bienvenue* — добро пожаловать! Я Камилла. А это Мервей. Милая киска!

Мне было так стыдно. Она точно знала, что говорила, по-французски это будет так же: *chatte*²⁷. К тому же я ненавижу мое полное имя Мервей. Никто меня так не называет. Я Ми-ми. Моя мама назвала меня так, потому что это имя означает «чудо», а по ее мнению, мое появление в ее жизни и есть чудо. Но еще это невероятно унижительно.

Я спряталась за свою книгу, но не настолько, чтобы не наблюдать за ним поверх ее.

Парень прикрыл глаза рукой.

— Спасибо! — крикнул он. Он поднял руку и помахал в ответ. И тогда я снова увидела ту бледную полоску кожи между его футболкой и джинсами, стрелку темных волос.

— Я Бен — друг Ника. Переезжаю на третий этаж.

Камилла повернулась ко мне.

— Ну, — сказала она вполголоса. — Я чувствую, что здесь становится все интереснее. — Она усмехнулась. — Наверное, мне нужно правильно себя преподнести. Предложить ему посмотреть за киской, если он уедет.

Не удивлюсь, если через неделю она затащит его в постель, подумала я. Вряд ли это будет неожиданностью. Удивительно, что мне так невыносима даже мысль об этом.

²⁶ Грудь (фр.).

²⁷ Киска (фр.).

Кто-то стучит в мою дверь.

Я крадусь по коридору, смотрю в глазок. *Merde*, это она: женщина из квартиры Бена.

Я сглатываю и пытаюсь взять себя в руки. Такое чувство, что мой язык застрял в горле.

Трудно думать с этим гулом в ушах. Я знаю, что могу и не открывать. Это моя квартира, мое личное пространство. Но *тук-тук-тук* не прекращается, долбит по моему черепу, мне кажется, что сейчас во мне что-то взорвется.

Я стискиваю зубы и открываю дверь. И сразу шок: поразительное сходство с Беном. Но она маленькая, и глаза у нее темнее, и в ней чувствуется нечто... хищное, может, это и в нем было, но он тщательнее скрывал. С ней как будто все углы становятся острее. С ним же все было гладко. Она тоже неряшлива: джинсы и старый джемпер с потертыми манжетами, темно-рыжие волосы собраны на макушке. Его шарма в ней нет. Даже в серой футболке в жаркий день он умудрялся выглядеть как-то... стильно, понимаете? На нем все сидело превосходно.

– Привет, – говорит она. Улыбается, но не искренне. – Я Джесс. Как тебя зовут?

– М – Мими, – хриплю я.

– Мой брат – Бен – живет на третьем этаже. Но он... ну,

он как бы исчез что ли. Ты его случайно не знаешь?

Какую-то долю секунды я думаю притвориться, что не говорю по-английски, но это глупо.

Я мотаю головой.

– Нет. Я не знала его – не знаю, то есть. Извини, я плохо говорю по-английски.

Я замечаю, что она смотрит мимо меня, пытается рассмотреть мою квартиру. Я отхожу в сторону, пытаюсь заслонить ей обзор. И теперь она таранит меня взглядом, как будто пытается заглянуть мне в душу: и это еще хуже.

– Твоя квартира? – спрашивает она.

– *Oui*.

– Ух ты! – Она округляет глаза. – Наверное, ты хорошо зарабатываешь. И ты одна здесь живешь?

– Я и моя соседка Камилла.

Она снова пытается заглянуть в квартиру через мое плечо.

– Я хотела спросить, давно ли ты видела Бена?

– Нет. У него были закрытые ставни. Я имею в виду... – Я слишком поздно сообразила, что она спрашивала не об этом.

Она поднимает брови.

– Хорошо, – говорит она, – а когда ты в последний раз видела его? Это бы помогло. – Она улыбается. И ее улыбка совсем не такая как у него. Не похожая ни на чью.

Я понимаю, что она не уйдет, пока не дожидется ответа. Я откашливаюсь.

– Я... не знаю. Не так давно – может, неделю назад?

– *Quoi? Ce n'est pas vrai! Это неправда!* – Я поворачиваюсь и вижу Камиллу в одном топе и кюлотах.

– Ты видела его вчера утром, помнишь Мими? Вы стояли с ним на лестнице.

Merde. Я чувствую, как мое лицо вспыхивает.

– А, да. Точно. – Я поворачиваюсь к женщине в дверном проеме.

– Так он *был* вчера здесь? – спрашивает она, хмурясь, переводя взгляд то на меня, то на Камиллу. – Ты *действительно* видела его?

– Угу, – выдавила я. – Вчера. Должно быть, я забыла.

– Он не сказал, не собирается ли он куда-нибудь?

– Нет. Мы просто встретились.

Я вспомнила его лицо, как он посмотрел, когда я проходила мимо него по лестнице. *Мими, привет. Что-то случилось?* И его улыбка. Никто так не улыбается как он.

– Ничем не могу помочь, – говорю я. – Извини. – И уже собираюсь закрыть дверь.

– Он сказал, что попросит меня покормить его котеночка, если вдруг уедет, – вдруг вклинивается Камилла, и та кокетливая манера, с которой она пролепетала «котеночек» напомнила мне о ее «миллой киске» в день его приезда. – Но в этот раз он меня не попросил.

– Правда? – Женщина явно проявила интерес. – Как... – Может быть, до нее дошло, что я уже собираюсь хлопнуть дверью перед ее носом, потом что она подается вперед, будто

собирается войти в квартиру. И, не задумываясь, я с силой захлопываю дверь.

У меня трясутся руки. Тело дрожит. Я знаю, что Камилла, должно быть, смотрит на меня, гадая, что происходит. Но мне сейчас все равно, что она думает. Я прислоняю голову к двери. Не могу дышать. Задыхаюсь. Тошнота подступает к горлу, и, прежде чем я успеваю подавить позыв, меня рвет прямо на до блеска отполированные половицы.

СОФИ

Пентхаус

Я поднимаюсь по лестнице и вижу ее. Иностранку. Меня охватывает такая дрожь, что я чуть не роняю коробку из булочной. Девушка, что околачивается рядом с пентхаусом, нечего ей здесь делать.

Я с минуту смотрю на нее, прежде, чем заговорить.

– *Bonjour*²⁸ – холодно здороваюсь я.

Она оборачивается, застигнутая врасплох. Отлично. На это я и рассчитывала.

Но теперь настал мой черед удивляться.

– Вы. – Да это же она, из булочной: неопрятная девушка,

²⁸ Добрый день (*фр.*).

подобравшая записку, которую я уронила.

Double la prochaine fois, salope. В следующий раз удвою, сука.

– Кто вы?

– Я Джесс. Джесс Хэдли. Я живу со своим братом Беном, – тараторит она. – На третьем этаже.

– Если вы остановились на третьем этаже, то что вы делаете здесь? – Это же логично, думаю я... Расхаживает здесь, будто это место принадлежит ей. Совсем как он.

– Я искала Бена. – Она явно поняла, как абсурдно это звучит, будто он притаился в каком-то темном углу под крышей, и, смутившись, добавила: – Вы знаете его? Бенджамина Дэниелса?

Эта улыбка: лиса, входящая в курятник. Звон бьющегося стекла. Алое пятно на белой салфетке.

– Друг Николя. Да. Однако я встречалась с ним всего пару раз.

– Николя? Это Ник? – Вроде бы Бен упоминал его. – На каком он этаже?

Я колеблюсь. Потом говорю:

– На втором.

– Вы помните, когда вы видели его в последний раз? – спрашивает она. – Бена, я имею в виду. Он должен был быть здесь прошлой ночью. Я попыталась расспросить одну из девушек – Мими – с четвертого этажа, но она не особо помогла.

– Я не припомню. – Возможно, я слишком быстро на-

шла с ответом, слишком уверенно. — Но ведь он такой закрытый. Вы знаете. Скорее — как это по-английски сдержанный.

— Неужели? Это совсем непохоже на Бена! Напротив, он бы уже давно подружился со всеми в доме.

— Явно не со мной. — По крайней мере это правда. Яжимаю плечами. — В любом случае, может быть, он уехал и забыл вас предупредить?

— Нет, — возражает она. — Он бы так не поступил.

Помню ли я, когда видела его в последний раз? Конечно. Но сейчас у меня перед глазами проносится наша первая встреча. Два месяца назад.

В разгар жары.

Он не понравился мне. Это было понятно сразу.

Сначала я слышала смех. Слегка пугающий, каким часто бывает мужской смех... В нем чувствовалась демонстрация собственного превосходства.

Я была во дворе. Работала в саду, в тени... Для других садоводство — это форма творческой самоотдачи. Для меня — способ контролировать окружение. Когда я сообщила Жаку, что хочу ухаживать за маленьким садом во дворе, он не понял.

— Есть специальные люди, мы можем заплатить, они все сделают за нас, — ответил он мне. В мире моего мужа людям можно заплатить за все.

Конец дня: свет тает, жара все еще угнетает. Из-за кустов

розмарина я наблюдала, как они вдвоем вошли во двор. Сначала Ник. Затем незнакомец с мопедом. Примерно того же возраста, что и его друг, но он отчего-то казался старше. Высокий и худой. Темноволосый. Он держался достойно. Наполнял пространство вокруг себя уверенностью.

Я заметила, как друг Ника сорвал веточку розмарина с одного из кустов. Как прижал ее к носу, вдохнул. В этом жесте было что-то самонадеянное. Сродни акту вандализма.

Затем к ним подбежал Бенуа. Новичок подхватил его на руки и прижал к себе.

Я застыла.

– Ему не нравится, когда его кто-то держит, кроме меня.

Бенуа, предатель, повернул голову, чтобы лизнуть незнакомцу руку.

– Привет, Софи, – заговорил Николя. – Это Бен. Он поживет здесь, в квартире на третьем этаже. – Гордый. Хвастается другом, как новой игрушкой.

– Рад познакомиться с вами, мадам. – Затем он улыбнулся ленивой улыбкой, отчасти такой же самонадеянной, как и жест, с которым он оборвал куст. *Я тебе понравлюсь*, читалось в нем. *Я всем нравлюсь*.

– Прошу вас, – ответила я. – Зовите меня Софи. – Когда он обратился ко мне «мадам», я почувствовала себя столетней старухой, хотя это было вполне уместно.

– Софи.

Теперь я пожалела, что сказала ему. Это было слишком

неформально, слишком интимно.

– Пожалуй, возьму его. – Я протянула руки к собаке. От Бенуа разлило бензином и мужским потом. Пришлось держать его на небольшом расстоянии от своего тела. – Консьержка этого не оценит, – добавила я, кивая на мопеды у будки. – Она их ненавидит.

Мне хотелось показаться стервой, но выглядело это так, будто матрона, отчитывает маленького мальчика.

– Ясно, – сказал он. – Спасибо за совет. Мне придется задобрить ее, расположить к себе.

Я уставилась на него. С какой стати ему понадобилось это делать?

– Что ж, удачи тебе, – сказал Ник. – Ей никто не нравится.

– А, – протянул он. – Но я люблю сложности. Думаю, мне удастся завоевать ее расположение.

– Тогда берегись, – усмехнулся Ник. – Не уверен, что тебе захочется с ней связываться. У нее талант появляться из-за угла внезапно, когда совсем не ждешь.

Мне была не по душе эта затея. Консьержка с ее бдительным взглядом, с ее вездесущностью. Что она может выкинуть, если он попытается ее задобрить?

Когда Жак вернулся домой, я сказала ему, что познакомилась с новым жильцом на третьем этаже. Он нахмурился и указал на скулу.

– У тебя там грязь. – Я потерла щеку – должно быть, не заметила. Мне казалось, я была так аккуратна.

– И что же ты думаешь о нашем новом соседе?

– Он мне не нравится.

Жак вздернул брови.

– Я думал, он показался тебя интересным. Что тебе не нравится?

– Он слишком... обаятельный. – Это его очарование. Брюцал им как оружием.

Жак нахмурился; он не понимал. Мой муж умный человек, но чересчур высокомерный. Привык все делать по-своему, контролировать. Я никогда не достигала таких высот высокомерия. И никогда не была достаточно уверена в своем положении, чтобы всегда оставаться настолько самодовольной.

– Что ж, – сказал он. – Нам придется пригласить его на бокал вина.

Мне не понравилось, как это прозвучало: пригласить его в наш дом.

* * *

Первая записка пришла две недели назад:

Я знаю, кто вы, мадам Софи Менье. Я знаю, кто вы на самом деле. Если не хотите, чтобы об этом узнал еще кто-то, предлагаю вам оставить 2000 евро купюрами по 100 евро под расшитанной ступенькой перед воротами.

«Мадам»: отвратительный образец фальшивой вежливости. Намеренно насмешливый тон. Почтового штемпеля не было; принесли сами. Мой шантажист хорошо знал дом, ему было известно о расшатанной ступеньке.

Я не сказала Жаку. Во-первых, я знала, что он откажется платить. Люди с большими деньгами чаще всего скупы. Я же боялась не заплатить. Сразу же достала свою шкатулку с драгоценностями. Рассматривала брошь с желтым сапфиром, которую Жак подарил мне на вторую годовщину, заколки для волос с нефритом и бриллиантами, подаренные им на прошлое Рождество. В итоге выбрала изумрудный браслет, это был самый безопасный вариант, Жак никогда не просил надеть его. Я отнесла его в ломбард, в местечко в пригороде, в окрестностях периферийной кольцевой дороги. Мир вдали от парижских открыток и туристических грез. Пришлось пойти туда, где меня никто бы не узнал. Этот человек понимал, что я не в своей стихии. Думаю, он почувствовал мой страх. Он и не подозревал, что это было связано не столько с ужасом перед соседями, сколько с ужасом от того, что я оказалась в такой ситуации. Унизительной ситуации.

Я выручила за браслет приличную сумму – хотя получить я должна была больше. Двадцать банкнот по 200 евро. Деньги казались грязными: пот чужих рук, ввевшаяся грязь. Я сунула пачку банкнот в толстый конверт, там, на фоне тонкой кремовой открытки, они выглядели еще грязнее.

Как будто это каким-то образом сделало факт передачи

денег не таким ужасным, менее унижительным. Я оставила его, как было указано, под шаткой ступенькой перед воротами дома.

На время я покрыла свои долги.

– Возможно, теперь вы захотите вернуться на третий этаж, – говорю я странной неряшливой девушке. Его сестра. В это верится с трудом. На самом деле, трудно представить, что у него вообще было детство, семья. Он казался таким... сдержанным. Как будто пришел в этот мир уже взрослым.

– Я не расслышала вашего имени, – говорит она.

Я и не представлялась.

– Софи Менье, – произношу я. – Мы с моим мужем Жаком живем в пентхаусе на этом этаже.

– Если вы в пентхаусе, то что там наверху? – Она указывает на деревянную лестницу.

– Вход в *chambre de bonne* – комнату прислуги – под крышей дома. Я киваю в сторону лестницы. – Но я уверена, что вам это не нужно.

Она понимает намек. Она должна пройти прямо мимо меня, чтобы спуститься обратно. Я ни на сантиметр не сдвигаюсь с места, когда она проходит мимо. Только когда у меня начинает ныть челюсть, я понимаю, как сильно стиснула зубы.

ДЖЕСС

Я закрываю за собой дверь квартиры и вспоминаю, как Софи Менье только что посмотрела на меня: как будто я была чем-то, что она нашла на подошве своей туфли. Может, она и француженка, но я знаю женщин такого типа. Блестящие черные волосы, шелковый шарф, люксовая сумка. То, как она подчеркнула слово «пентхаус». Она сноб. Для меня это не в новинку – когда на тебя смотрят как на мусор. Но я почувствовала что-то еще. Возможно, враждебность, когда я упомянула Бена.

Я думаю о ее предположении, что он, якобы уехал.

– Сейчас не самое подходящее время, – сказал он по телефону. Но он не мог просто взять так и уйти, молча... правда же? Я его семья – его *единственная* семья. Как бы он ни был расстроен, не думаю, что он бросил бы меня.

Что же, не впервые он исчез из моей жизни. Так случилось, когда у него внезапно появились новые блестящие родители, готовые увезти его в новую волшебную жизнь с частными школами, каникулами за границей и семейными лаб-радорами, и, *извините, но Дэниелсы могут усыновить только одного ребенка. И, собственно, детей из одной семьи лучше разделить, особенно, если у них общая травма.* Как я уже говорила, моему брату всегда удавалось влюблять в себя людей. Бен уезжает на заднем сиденье темно-синего «вольво»

Дэниелсов, один раз оборачивается назад, а затем смотрит прямо, вперед в новую жизнь.

Нет. Ради всего святого, он оставил мне голосовую заметку с инструкцией. И даже если по какой-то причине ему действительно пришлось уехать, то почему он не отвечает ни на мои звонки, ни на сообщения?

Я все время возвращаюсь к его разорванной цепочке с кулончиком Святого Христофора. К пятнам крови на кошащей шерсти. Похоже никто из соседей Бена не готов уделить мне время – более того, они кажутся враждебно настроенными. Как это обычно говорится – что-то здесь *нечисто*.

Я просматриваю социальные сети Бена. В какой-то момент он, видимо, удалился отовсюду, кроме Инстаграма. Почему я только сейчас это поняла? Ни Фейсбука, ни Твиттера. Фотография профиля в Инстаграме – кот из квартиры, я узнаю белую манишку. В его сетке не осталось ни одной фотографии. Это так похоже на Бена, мастера переосмысления, избавления от всех старых вещей. Но в этом есть что-то странное. Как будто кто-то пытался вычеркнуть его из жизни. Я все равно посылаю ему сообщение в Инстаграме: Бен, если ты это увидишь, возьми трубку!

Телефон вибрирует: «У вас осталось всего 50 МБ интернета. Чтобы пополнить счет, перейдите по этой ссылке...»

Черт! Я не могу позволить себе даже самый дешевый тариф. Я сажусь на диван. Прямо на бумажник Бена, должно быть, я сама бросила его сюда. Я открываю его и вытаскиваю

визитную карточку, прикрепленную спереди. Тео Мендельсон. Парижский редактор «Гардиан». И надпись на карточке: ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ ИСТОРИЕЙ! ХОЧЕТ УЗНАТЬ ДЕТАЛИ. Может быть, это кто-то, на кого Бен работает, с кем он недавно общался? Там указан номер. Я звоню, но он не отвечает, поэтому я отправляю сообщение.

Привет. Хочу спросить о моем брате Бене Дэниелсе. Пытаюсь его найти. Сможете помочь?

Вдруг какой-то звук заставляет меня насторожиться.

Я сижу тихо, напряженно прислушиваясь, пытаюсь понять, что это за шум. Напоминает шаги. Но этот звук доносится не с лестничной площадки или лестницы перед входом в квартиру. А прямо у меня над головой. Я встаю с дивана и изучаю стену. И именно сейчас, как следует присмотревшись, я замечаю. Я провожу руками по выцветшим шелковым обоям. Там есть дыра в стене, чуть выше моего роста. Я отступаю назад и рассматриваю ее. Она хитро спрятана, а диван выдвинут перед ней, так что если внимательно не присмотреться, то можно вообще ее не заметить. Но я думаю, что это дверь.

СОФИ

Пентхаус

Вернувшись в квартиру, я лезу в свою сумочку – черную кожаную сумку «Селин», безумно дорогую, сдержанную, подарок Жака, – достаю бумажник и даже удивляюсь, обнаружив, что записка не прожгла дыру в коже. Не верится, что я была настолько неаккуратна и обронила ее. Неуклюжесть – это не про меня.

В следующий раз удвою, сука.

Записка пришла вчера утром. Последняя. Теперь у него нет надо мной власти. Я разрываю записку на мелкие кусочки и бросаю в камин. Дергаю за шнур с кисточкой, с ревом вспыхивает пламя, мгновенно поглощая бумагу. Затем я быстро прохожу через квартиру, мимо панорамных окон с видом на Париж, по коридору с коллекцией Герхарда Рихтера, каблуки ритмично стучат по паркету, затем замолкают на шелке старинного персидского ковра.

На кухне я открываю коробку из булочной. Внутри – лотарингский пирог, усыпанный ломтиками бекона, тесто такое хрустящее, что рассыпается при малейшем прикосновении. Молочный аромат сливок и яичного желтка на мгнове-

ние вызывает у меня приступ смеха. Когда Жак уезжает из дома в одну из своих деловых поездок, я обычно питаюсь черным кофе и фруктами – иногда кусочками темного шоколада, отломанными от батончика «Мэйсон Боннат».

Мне не хотелось никуда выходить. Я думала спрятаться здесь, подальше от всего мира. Но я постоянный клиент, и очень важно придерживаться привычного распорядка дня.

Немного позже я снова открываю дверь в квартиру и ожидаю несколько секунд, прислушиваясь, оглядываю лестницу, чтобы убедиться, что там никого нет. В этом доме ничего нельзя предпринять, не нарвавшись на консьержку, которая того гляди выпрыгнет на тебя из-за угла, материализовавшись из ниоткуда. Но на этот раз меня беспокоит не она. А эта новенькая, эта незнакомка.

Убедившись, что поблизости никого, я иду через площадку к деревянной лестнице в старые покои прислуги. Я единственная в доме, у кого есть ключ от этих комнат. Даже у консьержки нет доступа.

Я привязываю поводок Бенуа к нижней ступеньке деревянной лестницы. На нем подходящий комплект из синей кожи от «Эрме»: мы оба с ним сегодня в «Эрме». Если пес кого-то увидит, то залает.

Я достаю ключ из кармана и поднимаюсь по лестнице. Дрожащей рукой вставляю ключ в замочную скважину.

Толчком открываю дверь. Перед тем как войти, проверяю, не наблюдает ли кто за мной. Приходится осторожничать.

Особенно сейчас, когда повсюду шныряет эта девица.

Я провожу здесь, в комнате прислуги, минут десять. После снова так же тщательно запираю висячий замок и кладу в карман маленький серебряный ключик. Бенуа ждет меня у лестницы, глядя на меня снизу вверх своими темными глазами. Хранитель моих секретов. Я прикладываю палец к губам.

Ш-ш-ш...

ДЖЕСС

Я отодвигаю диван от стены. Подбегает кот, наверное, надеется, что ему перепадет мышь или какая-нибудь другая жуткая ползучая тварь. Кажется, я нашла, вот она, дверь. Ручки нет, но я хватаюсь за край, просовываю пальцы в щель и тяну. Дверь распаивается.

У меня перехватывает дыхание. Не знаю, чего я ожидала: может быть, потайного шкафа. Но только не этого. Меня встречает тьма. Воздух холодный, будто я только что открыла холодильник. Затхлый, спетрый воздух, как в церкви. Когда мои глаза привыкают к полумраку, я различаю узкую каменную лестницу, спиралью уходящую вверх. Она немного другая, меньше, чем лестницы в другой части дома. Судя по всему, это она предназначалась для прислуги, как те комнаты для служанок, о которых мне рассказывала Софи Менье.

Я вхожу внутрь, дверь за мной захлопывается. Все погру-

жается во мрак. Но я замечаю полоску света, пробивающуюся сквозь дверь. Я слегка приседаю и слежу. Я могу заглянуть в квартиру: гостиная, кухня. Это похоже на какой-то потайной дверной глазок. Наверное, он такой же старый, как и само здание. Или его могли сделать совсем недавно с помощью отвертки или еще чего-нибудь. Кто-то отсюда мог наблюдать за Беном. Кто-то мог наблюдать за *мной*.

Я все еще слышу шаги. Включаю фонарик на телефоне и следую за светом, стараясь не оступиться на закручивающихся ступенях. Эту лестницу явно сделали во времена, когда люди были меньше ростом: я не особо высокая, но мне все равно тесновато.

На миг я снова замираю. Понятия не имею, к чему это может привести. Не уверена, что это хорошая затея. Может быть, я иду напрямиком на встречу опасности?

Не то чтобы это когда-то останавливало меня раньше. Я продолжаю спускаться.

Подхожу к другой двери. Здесь я тоже замечаю еще один маленький глазок. Я быстро прижимаюсь к нему, заглядываю внутрь. Вроде бы никого нет поблизости. Я немного дезориентирована, но думаю, что это, должно быть, квартира на втором этаже: квартира друга Бена – Ника. Планировка такая же, как у Бена, но на выбеленных стенах ничего нет. За исключением гигантского компьютера в углу, нескольких книг и того, что можно назвать тренажером – такого же внушительного размера, как кресло дантиста. Выглядит так,

будто Ник только-только въехал сюда.

Шаги надо мной не затихают. Я продолжаю спускаться, луч от моего телефона прыгает впереди. Должно быть, я сейчас на первом этаже. Еще одна квартира, и вот снова: очередной глазок. Я подхожу к нему и заглядываю внутрь. А там сплошной беспорядок: повсюду вещи, большие пустые пакеты из-под чипсов, переполненные пепельницы, пристенные столики, заставленные бутылками, напольная лампа, лежащая на боку. Я невольно отступаю, когда в поле зрения появляется фигура. На нем уже нет куртки, но я сразу его узнаю: парень у ворот. Антуан. Похоже, он прихлебывает из бутылки «Джек Дэниелс». Он допивает последние капли, затем поднимает бутылку. Господи: я подпрыгиваю на месте, когда он разбивает ее о столик.

Он покачивается на месте, глядя на зазубренный обрубок, будто раздумывает, что с ним делать. Затем поворачивается в мою сторону. На какие-то жуткие доли секунды мне кажется, что он смотрит прямо на меня. Но я смотрю через просвет всего в несколько миллиметров... он же никак не может меня увидеть. Правда же?

Я не собираюсь торчать здесь, чтобы это выяснить. Спешу вниз. Должно быть, сейчас я спускаюсь под землю. Наконец лестница приводит меня к двери, качающейся на петлях: тот, за кем я иду, наверняка только что прошел через нее. Мой пульс учащается, мне кажется, я приближаюсь. Я толкаю дверь, и хотя с другой стороны все так же темно, у

меня создается впечатление, что я ступила в широкое, гулкое пространство. Тишина. Шаги затихли. Что произошло? Наверное, я отстаю на несколько секунд.

Здесь, внизу, холоднее. Пахнет сыростью и плесенью. Мой телефон отбрасывает только слабый луч, но я вижу оранжевое свечение выключателя напротив. Нажимаю на него. Слышу, как щелкает маленький механический таймер: *тик-тик-тик-тик*. У меня всего пара минут до того, как все снова погрузится в темноту. Видимо, я в подвале: широкое помещение с низким потолком, в котором могли бы уместиться две квартиры Бена; внутри несколько дверей. В углу подставка для велосипедов. И прислоненный к стене красный мопед. Я подхожу к нему. Достая связку ключей, найденную в куртке Бена, подхожу к «Веспе», вставляю один в замок зажигания и поворачиваю. Включается. Меня осеняет: значит, Бен не мог уехать куда-нибудь на своем мопеде. Должно быть, я прислонилась к нему, потому что он накренивается. Только сейчас я вижу, что переднее колесо спущено, резина изрезана. Авария? Но мне кажется, в этом есть нечто преднамеренное.

Я поворачиваюсь обратно к подвалу. Кто бы это ни был, возможно, он исчез за одной из этих дверей. Они прячутся? Меня бросает в дрожь, когда я понимаю, что, может быть, за мной наблюдают.

Я открываю первую дверь. Пара стиральных машин – одна из которых включена. Одежда вращается в пестрой меша-

нине.

В соседней комнате я ощущаю запах мусорных баков еще до того, как их вижу, это сладковатый, гнилостный запах. Какой-то шорох. Я закрываю эту дверь.

За следующей – что-то вроде шкафа для уборки: швабры, веники, ведра и куча грязного тряпья в углу.

На последней – висячий замок, но сама дверь открыта. Влекомая любопытством и раззадоренная висячим замком, я протискиваюсь внутрь. Комната до отказа набита вином. Стеллажи, от пола до потолка. Здесь, наверное, тысяча бутылок. Некоторые из них выглядят довольно старыми: этикетки в пятнах облупились, стекло покрыто слоем пыли. Я вытаскиваю одну. Я не очень разбираюсь в вине. Да, хоть я и работала во многих барах, но это были места, где люди просят «большой бокал красного, дорогая» и опустошают бутылку, доплатив еще пару фунтов. Но это явно *выглядит* дорого. Тот, кто хранит их здесь, видимо, доверяет своим соседям. И, вероятно, не заметит, если исчезнет только одна маленькая бутылочка. Это поможет мне думать. Я выберу что-нибудь, что выглядит так, будто пролежало здесь целую вечность, что-то, о чем они и не вспомнят. Я нахожу самые пыльные, покрытые паутиной бутылки на нижних полках, обыскиваю ряды, вытаскиваю одну поближе к себе... 1990 год. Изображение величественного дома, выделенное золотом. Подойдет.

Гаснет свет. Должно быть, отключился таймер. Я ищу вы-

ключатель. Темнота дезориентирует. Шагаю влево и натякаюсь на что-то. Черт, мне нужно вести себя осторожнее: вокруг меня шаткие стеллажи.

Наконец я замечаю маленькое оранжевое свечение другого выключателя. Я нажимаю на него, и свет снова загорается.

Поворачиваюсь, чтобы найти дверь. Странно, я думала, что оставила ее открытой. Должно быть, она захлопнулась за мной. Я подхожу и поворачиваю ручку. Тяну дверь на себя, но ничего не происходит. Дверь не поддается. Какого черта? Этого не может быть. Я пробую еще раз: ничего. А потом снова, изо всех сил наваливаюсь всем своим весом.

Кто-то запер меня здесь. Это единственное объяснение.

КОНСЬЕРЖКА

Будка

Стук в дверь. Моя первая мысль – это он, Бенджамин Дэниелс. Единственный, кто соизволил бы навестить меня здесь. Я думаю о том, как он впервые постучал в мою дверь, застав меня врасплох:

– *Bonjour Madame*. Я просто хотел представиться. Я переезжаю на третий этаж. Теперь мы будем жить по соседству! – Сперва я предположила, что он надо мной издевается, но его

вежливая улыбка говорила об обратном. Наверняка он знает, что ни при каких условиях мы не можем быть соседями. И все же, меня это впечатлило.

Снова раздается стук. На этот раз более требовательный. Я осознаю свою ошибку. Конечно, это не он... Это было бы невозможно.

Когда я открываю дверь, то вижу ее, Софи Менье. Для меня «мадам». Стоит во всей своей красе: элегантное бежевое пальто, блестящая черная сумочка, блестящий черный шлем волос, шелковый шарф, повязанный на шее. Она принадлежит к тому племени женщин, что гуляют по шикарным улицам этого города с сумками для покупок, с позолоченными надписями на жестких бирках, полными дизайнерской одежды и дорогих предметов. Маленькая породистая собака на поводке. Богатые мужья *cinq à sept affairs*²⁹, роскошные апартаменты и белые дома с закрытыми ставнями на острове Ре. Родились здесь, выросли в родовитых французских семьях – или, по крайней мере, хотели бы убедить вас в этом. Ничего безвкусного. Ничего *nouveau*³⁰. Только элегантная простота, традиции и классика.

– *Oui Madame?* – спрашиваю я.

Она отступает от двери, как будто ей невыносимо находиться слишком близко к месту, которое я называю своим домом, как будто его бедность может каким-то образом ее

²⁹ Со своими интрижками (*фр.*)

³⁰ Нового (*фр.*).

замарать.

– Девушка, – просто начинает она. Даже не обращается ко мне по имени, она никогда не называла меня по имени, я даже не уверена, что мадам его знает. – Тот, кто приехал прошлой ночью, тот, кто остановился в квартире на третьем этаже.

– *Oui Madame?*

– Я хочу, чтобы вы следили за ней. Хочу, чтобы вы сообщали мне, когда она уходит, когда приходит. Я хочу знать, бывает ли у нее кто-нибудь. Это очень важно. Понимаете? *Comprenezvous?*

– *Oui Madame!*

– Хорошо. – Она ненамного выше меня, но каким-то образом ей все равно удастся смотреть на меня сверху вниз, свысока. Затем она поворачивается и быстро уходит, маленькая серебристая собачка трусит следом.

Я провожаю ее взглядом, а потом подхожу к своему крошечному столику и открываю ящик. Заглядываю внутрь, проверяя содержимое.

Она может смотреть на меня свысока, но знание, которым я обладаю, наделяет меня властью. И я думаю, мадам это понимает. Пусть она в этом и не признается, но мадам Менье меня немного побаивается.

Забавно: у нас больше общего, чем кажется на первый взгляд. Мы обе прожили так долго в этом здании, что по-своему стали невидимыми. Стали частью пейзажа.

Но я точно знаю, что это за женщина Софи Менье. И на что она способна.

ДЖЕСС

– Эй! – кричу я. – Кто-нибудь слышит меня?

Я понимаю, что стены поглощают звук и эта затея абсолютно бессмысленна. И тогда толкаю дверь изо всех сил, надеясь, что под моим весом замок сломается. Без толку: с тем же успехом можно сдвинуть бетонную стену. Я стучу по дереву, вынимаю серьгу и пытаюсь нащупать в темноте замок, на случай, если получится его открыть.

Ничего. Черт. *Черт.*

– Эй! – кричу я, уже в отчаянии. – ЭЙ! ПОМОГИТЕ МНЕ!

Последние два слова. Внезапное воспоминание о другой комнате. Кричу во всю глотку, кричу, до хрипоты в голосе, хотя он никогда не казался мне достаточно громким... никого. *На помощь, на помощь, помогите мне кто-нибудь, она не...*

Все мое тело дрожит.

И вдруг дверь открывается, и загорается свет. Передо мной стоит мужчина. Я отступаю назад. Это, наверное, Антуан, парень, которого я только что видела, это он разбил бутылку...

Нет... Я ошиблась. Возможно, дело в росте и ширине

плеч. Но этот парень моложе, его волосы светлее, темно-золотистого цвета.

– *Ça va?*³¹ – спрашивает он. Затем по-английски:

– Все о'кей? Я спустился за бельем и услышал...

– Ты англичанин! – ошарашенно говорю я. По ходу такой же британец, как королева: правильное, изящное произношение мажора. Немного походит на то, что появилось у Бена, когда его усыновили и он перебрался к своим новым родителям.

Он смотрит на меня так, словно ждет объяснений.

– Кто-то запер меня здесь, – говорю я. Теперь, когда адреналин в крови поутих, я чувствую, как дрожит тело, а на лбу выступил холодный пот. – Кто-то нарочно запер меня.

Он проводит рукой по волосам, хмурится.

– Не думаю. Дверь просто заклинило. Ручка немного застряла, когда я открывал.

Я вспоминаю, как сильно налегала на нее. Может, ее действительно заклинило?

– Что ж, спасибо, – устало говорю я.

– Ничего страшного. – Он отступает назад и смотрит на меня. – Что ты здесь делаешь? Не в подвале, в квартире?

– Ты знаешь Бена с третьего этажа? Я должна пожить у него...

Он хмурится.

– Бен не говорил, что к нему приедут погостить.

³¹ В чем дело? Что такое? (*фр.*)

– Ну это решилось в последний момент, – уклончиво отвечаю я. – Итак... ты знаешь Бена?
– Да. Он мой давний приятель. А ты кто?
– Я Джесс, – представляюсь я. – Джесс Хэдли, его сестра.
– Я – Ник, – пожимает плечами он. – Я... ну, тот, кто предложил ему переехать и пожить здесь.

НИК

Второй этаж

Я спросил, не хочет ли Джесс подняться ко мне, а не болтать в холодной темноте подвала. Сейчас я немного сожалею об этом: я предложил ей сесть, но она расхаживает по комнате, разглядывает мой тренажер, мои книжные шкафы. Ее джинсы стерты на коленях, рукава джемпера в катышках, ногти обкусаны так, что выглядят как крошечные кусочки битой скорлупы. В ней есть что-то нервное, взвинченное: ничего общего с томностью Бена, с его приятными манерами. У нее совсем другой выговор; вряд ли она училась в частной школе. К тому же, произношение Бена часто менялось в зависимости от того, с кем он разговаривал. Но я только со временем это понял.

– Слушай, – внезапно говорит она. – Могу я умыть лицо?

Я сильно вспотела.

– На здоровье. Еще чего-нибудь хочешь?

Она возвращается через пару минут. Я улавливаю мужской аромат от Анник Гуталь; либо у нее такие же духи (что кажется маловероятным), либо она позаимствовала парфюм у меня.

– Тебе лучше? – спрашиваю я.

– Да, намного, спасибо. Эй, а мне понравился твой душ рэйн-шауэр. Он так называется?

Пока она разглядывает комнату, я продолжаю наблюдать за ней. Сходство есть. С определенных ракурсов почти поразительное. Но волосы у нее другого цвета, нежели у Бена, темно-каштановые, а сама она маленькая и жилистая. Бродит повсюду, вынюхивает, словно лисица.

– Спасибо, что помог мне, – говорит она. – Я уж подумала, что никогда не выберусь оттуда.

– Но, черт возьми, что ты делала в *cave*?

– Что?

– *Cave*, – объясняю я, «подвал» по-французски.

– А, точно. – Она грызет кожу на кончике большого пальца, пожимает плечами. – Осматривала это место, наверное. – Я заметил в ее руках бутылку вина. Видел, как она положила ее обратно на стеллаж, когда думала, что я не смотрю... Я не собирался упоминать об этом. Владелец этого погреба может позволить себе потерять одну-две бутылки... – Там внизу столько места, – говорит она.

– Им пользовалось Гестапо во время войны, – объясняю я. – Их главная штаб-квартира находилась на авеню Фош, недалеко от Булонского леса. Но ближе к концу оккупации у них накопился... излишек людей. Они использовали *cave* в качестве тюрьмы. Держали здесь членов Сопротивления.

Она корчит гримасу.

– Понятно. У этого места тяжелая энергетика. Моя мама была поклонницей таких вещей: увлекалась энергией, аурой, вибрациями.

Была. Я помню, как Бен рассказывал мне о своей матери. Однажды ночью он напился в пабе. Хотя, даже будучи пьяным, он никогда бы не наговорил больше положенного.

– В любом случае, – говорит она, – я никогда по-настоящему не верила в это. Но здесь что-то ощущается. У меня от этого мурашки по коже. – Она вдруг спохватывается. – Извини – не хотела тебя обидеть...

– Да нет. Все в порядке. Думаю, я знаю, что ты имеешь в виду. Итак, ты сестра Бена. – Я определенно хочу выяснить, что она здесь делает.

Она кивает.

– Ага. Одна мама, разные отцы.

Я обращаю внимание, что она умалчивает, что Бена усыновили. Я помню, как удивился, узнав об этом. А ведь это логично. Тот факт, что мы не могли причислить его ни к кому в университете: ни к степенным гребцам, ни к прилежным отличникам, ни к упоротым тусовщикам. Да, он гово-

рил, как выпускник частной школы, легко и непринужденно – но всегда казалось, что за этим скрывается нечто другое. Намек на нечто грубое, темное. Может быть, именно этим он так заинтриговывал людей.

– О, у тебя есть «Гаджия», – сообщает Джесс, направляясь на кухню. – У них тоже была такая, в кафе, где я раньше работала. – Она смеется, но без особой радости. – Может, я и не училась в хорошей школе или универе, как мой брат, но я знаю, как взбить правильную микропену. – Улавливаю ли я в этом нотку горечи? Определенно да.

– Хочешь кофе? Я могу сделать. Хотя, боюсь, у меня осталось только овсяное молоко.

– А пива у тебя нет? – с надеждой спрашивает она. – Понимаю, еще рано, но я бы не отказалась.

– Конечно, присаживайся, не стесняйся, – говорю я, указывая на диван. От ее мельтешения у меня уже голова кругом.

Я иду к холодильнику, чтобы достать пару бутылок: ей – пиво, мне – комбучу. Я никогда не пью раньше семи. Прежде чем я успеваю предложить ей напиток, она уже достает из кармана зажигалку, зажимает ее между указательным пальцем и колпачком, каким-то образом откидывает крышку. Я наблюдаю за ней, замороженно и слегка удивленно. Кто эта девушка?

– Не помню, чтобы Бен упоминал, что ты приедешь погостить, – говорю я как можно непринужденнее. Не хочу, что-

бы ей показалось, будто я ее в чем-то обвиняю – но он точно этого не говорил. Хотя, конечно, в последние пару недель мы почти не общались. Он был так занят.

– Ну, это решилось в последнюю минуту. – Она неопределенно машет рукой. – Когда ты видел его в последний раз? – спрашивает она. – Бена?

– Кажется пару дней назад.

– Значит, сегодня ты его не видел?

– Нет. Что-то случилось?

Я наблюдаю, как она рвет зубами ноготь большого пальца, меня передергивает. Маленькая капелька крови расцветает на кончике пальца.

– Когда я приехала прошлой ночью, его здесь не было. И я со вчерашнего дня о нем ничего не слышно. Понимаю, это прозвучит странно, но, может быть, у него были какие-то неприятности?

Я поперхнулся.

– Неприятности? Какого рода неприятности ты имеешь в виду?

– Ну, это просто... кажется неправильным. – Теперь она теребит золотой шнурок на шее. Показывается металлический святой; такой же, какой был у него. – Бен оставил мне голосовое сообщение. Но оно будто обрывается на полуслове. А теперь он не отвечает на звонки. Он не прочитал ни одно мое сообщение. Его бумажник и ключи все еще в квартире, и я знаю, что он не уехал на «Веспе», потому что я ви-

дела ее в подвале...

– Но это же так похоже на Бена, разве нет? – говорю я. – Наверное, он уехал на несколько дней, гоняясь за какой-нибудь историей с парой сотен евро в заднем кармане. Отсюда можно уехать на поезде в большую часть Европы. Он всегда был таким, еще со студенческих лет. Он исчезал и возвращался через несколько дней, со словами, что поехал в Эдинбург, потому что «он всегда мечтал там побывать», или хотел посмотреть Норфолк Бродс³², или он остановился в хостеле, или отправился в поход по Брекон-Биконс³³. – Остальные из нас в нашем маленьком пузыре едва помнили – а некоторые вообще хотели забыть, – что за пределами колледжа был целый мир. Нам бы и в голову не пришло уехать. Но он уезжал сам по себе, как будто перед ним не возвышались невидимые барьеры. В нем чувствовалась жажда жизни, стремления.

– Я так не думаю, – произносит Джесс, прерывая мои воспоминания. – Зная, что я приеду... он бы так не поступил. – Но в ее голосе нет прежней уверенности. Ее голос звучит так, будто она спрашивает, а не утверждает. – И все же, вроде ты неплохо его знаешь?

– До недавнего времени мы почти не виделись. – По крайней мере, это правда. – Ты же знаешь, как это бывает. Но переехав в Париж, он связался со мной. И мы снова встретились... и как будто и не было всех этих лет.

³² Национальный парк с ручьями и озерами в Великобритании.

³³ Национальный парк в южной части Уэльса в Великобритании.

Меня тянет вернуться к нашей первой встрече несколько месяцев назад. Удивление – потом шок – получить письмо от него после стольких лет, после всего... Спорт-бар в Сен-Жермене. Липкий пол и футболки с подписями французских регбистов, прикрепленные к стене, заплесневелые куски мясной нарезки с английским пивом и французским клубом регби, играющим примерно на пятнадцати разных экранах. Это вызвало приступ ностальгии; почти то же место, куда мы, будучи студентами, отправились пить пиво и притворяться настоящими мужчинами.

Мы наверстали наше упущенное десятилетие: моя жизнь в Пало-Альто; его журналистика. Он достал свой телефон, чтобы показать свои статьи.

– Это не совсем... важная работа, – признался он, пожимая плечами. – Я не могу писать обо всем, о чем хочу. Если уж совсем начистоту, то мои статьи – это чушь собачья. Лучше бы занялся технологиями, как ты.

Я неловко кашлянул.

– Приятель, я точно не покорил мир технологий. – И я еще мягко выразился. Но меня больше разочаровало отсутствие его успеха, чем своего собственного. Я ожидал, что он уже написал свой первый роман, удостоенный премии, или даже два. Мы познакомились в студенческой газете, но всегда казалось, что ему больше подходит художественная литература, нежели журналистика с ее точными фактами.

И если кто-то и собирался покорить мир, то, я был абсо-

лютно уверен, это Бенджамин Дэниелс. Если у него не получится, то на что надеяться нам?

— У меня такое чувство, что я будто гоняюсь за объедками, — сказал он. — У меня есть возможность обедать в нескольких прекрасных ресторанах, иногда я попадаю на бесплатную вечеринку. Но это не совсем то, чем в итоге я собирался заниматься. Нужна крупная история, чтобы ворваться в профессию и сделать себе имя. Настоящая революция. Я сыт по горло Лондоном, общением со старыми друзьями. Решил попытать счастья здесь.

Что ж, когда мы виделись в последний раз, у нас обоих были большие планы. Даже если мои не включали ничего серьезнее, чем убраться к чертовой матери подальше от моего старика и уехать подальше от дома.

Внезапный грохот возвращает меня в комнату. Джесс сбילה фотографию с книжной полки: один из немногих имеющихся у меня фотоснимков. Она поднимает ее.

— Извини. Лодка классная. На фото.

— Это отцовская яхта.

— А это ты с ним?

— Да. — На ней мне где-то пятнадцать. Его рука на моем плече, мы оба улыбаемся в камеру. В тот день мне действительно удалось произвести на него впечатление, чуть порулив яхтой. Наверное, это был один из редких случаев, когда я ощущал, что он гордится мной.

Внезапный взрыв смеха.

– А это как из Гарри Поттера, – говорит она. – Эти черные плащи. Это...

– Кембридж. – Наша группа после торжественного мероприятия. Стоим в наших одеяниях на Джизус-Грин, у реки Кэм, в закатных лучах, сжимающие в руках недопитые бутылки вина. Глядя на фотографию, я почти чувствую благоухание свежескошенной травы: аромата английского лета.

– Там ты и познакомился с Беном?

– Да, мы вместе работали в студенческой газете: он в редакции, я на веб-сайте. И мы оба учились в Джизус-колледже³⁴.

Она закатывает глаза.

– Ну и названия они придумывают этим местам. – Она прищуривается, глядя на фото. – Его не видно на этой фотографии, да?

– Да. Потому что он снимал. – Смеялся, заставляя нас всех позировать. Типичный Бен, ему всегда нравилось быть за камерой, а не перед ней: рассказывать историю, а не быть ее частью.

Она подходит к книжным шкафам. Ходит взад и вперед, читая названия. Трудно представить, что она когда-нибудь перестанет двигаться.

– Так много книг на французском языке. Бен тоже этим занимается, правда? Изучает французский или что-то в этом роде.

³⁴ Колледж в Кембридже.

– Ну, сначала он занимался современными языками, да. Позже переключился на английскую литературу.

– Правда? – Она погрустнела. – Я не... не знала этого. Он мне никогда не говорил.

В памяти всплывают те крупницы информации, которые Бен рассказывал о сестре в путешествии. Ей пришлось тяжелее, чем ему. Некому было помочь ей вернуться к нормальной жизни. Джесс перебрасывали из семьи в семью, но она так нигде и не прижилась.

– Так ты и есть тот друг, который помог ему переехать?

– Да, это я.

– Это звучит невероятно, – сказал Бен, когда я предложил ему переехать в день нашей следующей встречи. – А ты уверен насчет арендной платы? Она действительно такая невысокая? Должен признаться, я сейчас очень стеснен в средствах.

– Я узнаю, – пообещал я ему. – Но почти уверен, что да. Правда, квартира не прям новая. В ней есть некоторые... антикварные вещицы.

Он широко улыбнулся.

– Меня это не смущает. Ты меня знаешь. Мне нравятся места с характером. Поверь мне, это лучше, чем валяться на чужих диванах. Могу я прихватить с собой кота?

Я рассмеялся.

– Уверен, можно и с котом. – Я обещал, что все разуз-

наю. — Но если тебе нужна квартира, считай, ты ее получил.

— Что ж... спасибо, дружище... То есть... серьезно, это прям потрясающе.

— Без проблем. Рад помочь. Значит, тебе интересно?

— Черт возьми, да, — расхохотался Бен. — Давай угощу тебя, отпразднуем.

Мы просидели там за выпивкой несколько часов. Казалось, будто не было всех этих лет, будто мы внезапно вновь оказались в Кембридже — разве что тогда мы выпивали больше.

Через пару дней он переехал. Так быстро. Я помог ему поднять сумки наверх. Стоял с ним в квартире, пока он осматривался.

— Я понимаю, что это немного... в ретро-стиле, — начал я.

— У этой квартиры определенно есть своя история, — заключил он. — Знаешь что? Я оставляю все как есть. Мне нравится. Есть в этом что-то готическое.

Я тогда подумал, как же здорово, что мой старый приятель вернулся. Он улыбнулся — и это была его улыбка, улыбка Бена, — и внезапно я почувствовал, что все может быть хорошо. Может, даже будет еще лучше. Словно это поможет вернуть того парня, которым я был когда-то давным-давно.

– Могу я воспользоваться твоим компьютером?

– Прости, что? – я вынырываю из воспоминаний и вижу, как Джесс подбирается к моему аймаку.

– Цены здесь бешеные. Я просто подумала, что могу еще раз проверить Инстаграм Бена, вдруг что-то случилось с его телефоном, и он не смог мне ответить.

– Э-э – может дать тебе пароль от вайфая? – Но она уже сидит, держит руку на мышке. Похоже, выбора у меня нет.

Она двигает мышкой, и экран загорается.

– Стой... – Она наклоняется вперед, вглядываясь в заставку, затем поворачивается ко мне. – Это же ты с Беном, правда? Боже, он тут такой юный. Как и ты.

Я уже несколько дней не включал свой компьютер. Вглядываюсь в экран.

– Да, это мы. Почти дети. – Как странно об этом думать. Тогда я чувствовал себя таким взрослым. Как будто мне открылись все тайны мира. И все же тогда мы были детьми. Я выглядываю в окно. Мне не нужно смотреть на фотографию; я вижу ее и с закрытыми глазами. Золотистый свет: мы оба щуримся от солнца.

– Где это вы?

– После выпускных экзаменов наша группа на все лето отправилась в путешествие.

– На поездах?

– Да. По всей Европе... это было потрясающе. – Это действительно было так. Лучшее время в моей жизни.

Я смотрю на Джесс. Она притихла; кажется, погрузилась в свои мысли.

– С тобой все хорошо?

– Да, конечно. – Она выдавливает улыбку, энергии у нее явно поубавилось. – Так где вы сфотографировались?

– Кажется, в Амстердаме.

Я не думаю: я знаю. Как я могу забыть?

Глядя на эту фотографию, я чувствую на своем лице лучи позднего июльского солнца, ощущаю запах серы и теплой воды в канале. Я по-прежнему так же остро чувствую все, хотя этим воспоминаниям больше десяти лет. Но тогда все в этой поездке казалось важным. Все было сказано, все было сделано.

ДЖЕСС

– Я только что понял, – бормочет Ник, глядя на часы. – Вообще-то мне пора идти. Извини, я понимаю, тебе нужен компьютер.

– О, – говорю я немного ошарашенно. – Не беспокойся. Не мог бы ты сказать свой пароль от вайфая? Может, я смогу подключиться из квартиры.

– Конечно.

Он резко заторопился; может быть, он куда-то опаздывает?

– Это по работе? – спрашиваю я.

Мне было любопытно, чем он зарабатывает на жизнь. Все в этом парне говорит, что деньги у него водятся. Но скорее шепчет, чем выкрикивает. Осматривая его квартиру, я заметила парочку весьма стильных динамиков («Бэнг и Олуфсен»), я изучу их позже, но могу сказать, что они дорогие), модную камеру («Лейка»), массивный экран в углу («Эпл») и профессиональную кофемашину. Но нужно *вглядываться*, чтобы заметить недостаток. Собственность Ника – это атрибуты богача, который не хочет этим хвастаться... может быть, даже немного смущен этим. Но они многое говорят. Как и книги на его полках – те названия, которые я смогла разобрать: *«Быстрое инвестирование»*. *«Технологичный инвестор»*, *«Поймать единорога»*, *«Наука самодисциплины»*. Как и его вещи в ванной комнате. Ополоснув лицо за три секунды, я принялась копаться в его шкафах. По предметам в ванной комнате можно многое понять о человеке. Я узнала об этом, когда меня водили на встречи с будущими приемными семьями. Никто никогда не остановит тебя, если ты вдруг попросишься в туалет. Я заходила туда, шарила – иногда брала губную помаду или флакон духов, иногда осматривала комнаты на обратном пути – выясняла, не скрывают ли они чего-нибудь страшного или странного.

В ванной Ника все было как обычно: жидкость для полоскания рта, зубная паста, лосьон после бритья, парацетамол, люксовые туалетные принадлежности от «Эзоп» и «Байредо», а еще – что интересно – довольно большой запас окси-

кодона. У каждого есть свой наркотик, это я понимаю. Когда-то и я баловалась такой дрянью. Когда казалось, что проще перестать тревожиться обо всем, просто проскользнуть в потайную дверь. Жизнь не для меня, но я смирилась. И кажется, богатые мальчики тоже чувствуют боль.

– Я – ну, в данный момент у меня перерыв в работе, – говорит Ник.

– Чем ты раньше занимался? – спрашиваю я, неохотно отходя от стола. Абсолютно уверена, что его последняя работа не была связана с дешевым баром с надувными пальмами и свисающими с потолка фламинго.

– Какое-то время я жил в Сан-Франциско. В Пало-Альто. Технологические стартапы. Бизнес-ангел³⁵, понимаешь?

– Э-э... нет.

– Инвестор.

– А-а. – Должно быть, приятно не заморачиваться с поиском работы.

Очевидно, что «перерыв в работе» не означает, что он собирает мелочь по карманам.

Ник протискивается мимо меня, чтобы добраться до двери; я преграждаю ему путь, и будучи милым богатым английским мальчиком, он посчитал невежливым просто попросить меня подвинуться. Я ощущаю запах его туалетной воды; этот аромат ему подстать: дымный, роскошный. Я не

³⁵ Частный венчурный инвестор, дающий финансовую и экспертную поддержку компаниям на ранних этапах развития.

удержалась и побрызгалась в ванной.

– О, – бормочу я. – Извини. Я тебя задерживаю.

– Все в порядке. – Но у меня складывается впечатление, что он не так расслаблен, как утверждает: есть что-то напряженное в его позе, возможно, стиснутая челюсть.

– Что ж. Спасибо, что помог.

– Слушай, – говорит он. – Я уверен, что беспокоиться не о чем. Но я все равно готов помочь. Если будут вопросы, просьбы – обращайся.

– Есть одна вещь, – говорю я. – Ты не знаешь, Бен с кем-нибудь встречается?

Он хмурится.

– Встречается с кем-нибудь?

– Ага. Может, есть подружка или знакомая?

– Почему ты спрашиваешь?

– У меня чуйка. – Не то чтобы я пуританка, но женские трусы, найденные в постели Бена, вызывают у меня отвращение.

– Хм... – Он подносит руку к волосам и проводит по ним пальцами, отчего его кудри лежат еще беспорядочней. Он прекрасен. Да, все мое внимание приковано к поискам Бена, но я же не слепая. И я всегда питала слабость к вежливым шикарным мальчикам; это я говорю не ради красного словца.

– Насколько я знаю, нет, – отвечает он наконец. – *Не думаю*, что у него есть девушка. Но рискну предположить, что

я не в курсе всех подробностей его жизни здесь, в Париже. Я имею в виду, что до того, как он приехал сюда, мы не особо общались.

– Да. – Я знаю, как это бывает.

Это в духе Бена, как сказал Ник незадолго до этого. *Он всегда был таким, еще когда мы были студентами.* И все, о чем я могла думать, было: это правда он? И если он всегда срывался при первой возможности во время учебы в Кембридже, то почему не нашел времени для встреч со мной? Бен всегда говорил, что «так занят сочинениями» или «я не могу пропустить семинары. Сама знаешь, каково это». Но, конечно, я не знала. Он понимал, что я не знала. Один единственный раз он навестил меня – когда я жила в Милтон-Кинсе – в ответ на предложение отправиться в Кембридж. Я подозревала, что угроза появления его грязной сестры из приемной семьи и порча его имиджа может сработать. При мысли об этом во мне скорее закипает ярость, но это хотя бы не боль. Боль хуже всего.

– Извини, что не могу больше ничем помочь, – говорит Ник, – но если понадобится, я здесь. Всего одним этажом ниже.

Мы встречаемся взглядами. У него темно-синие глаза, а не карие, как мне казалось. Я пытаюсь понять, что подсказывает мне моя интуиция, – стараюсь не обращать внимание на небольшое влечение к нему. Могу ли я доверять этому парню? Он приятель Бена. Он говорит, что готов помочь.

Проблема в том, что я не умею доверять людям. Я слишком давно привыкла полагаться только на себя. Но Ник может быть полезен. Он знает Бена – очевидно, в некотором смысле даже лучше, чем я. Он явно говорит по-французски. Он кажется порядочным парнем. Я вспоминаю странную, нервную Мими и ледяную Софи Менье: приятно думать, что кто-то в этом доме действительно может сойти за союзника.

Я наблюдаю, как он надевает элегантное темно-синее шерстяное пальто, обматывает шею мягким серым шарфом.

Он подходит к двери и открывает ее для меня.

– Рад знакомству, Джесс, – говорит он с легкой улыбкой. Он будто ангел с картины. Я не знаю, откуда взялась эта мысль – может быть, потому что он сам употребил это слово, – но оно описывает его очень точно, если не сказать идеально. Падший ангел. Эти темно-золотистые кудри, эти фиолетовые тени под его синими глазами. У мамы тоже был пунтик насчет ангелов, она всегда говорила Бену и мне, что у нас у всех есть по одному, они за нами приглядывают. Жаль, что ее ангел не справился с задачей.

– И еще, – говорит Ник, – я уверен, Бен объявится.

– Спасибо. Я тоже так думаю. – Очень в это верю.

– Могу оставить тебе свой номер телефона.

– Это будет замечательно. – Я достаю свой мобильник, открываю контакты. Могу записать тебя по фамилии?

– Конечно. Миллер. Ник Миллер.

Я ввожу цифры, которые он мне называет.

– Спасибо.

Вернувшись в квартиру Бена, я с облегчением обнаруживаю, что могу подключиться к вайфаю Ника с его паролем. Я захожу в Инстаграм Бена и ищу Ника Миллера в списке подписчиков, но не нахожу. Пробую более общий поиск и получаю Ников Миллеров со всего мира: из Штатов, Канады, Австралии. Я копаюсь в профилях, пока у меня не начинают болеть глаза. Но они то слишком молоды, то слишком старые, слишком лысые, не из той страны. Гугл тоже бесполезен: есть какой-то вымышленный парень по имени Ник Миллер из телешоу, который заполонил всю выдачу в поисковике. Я сдаюсь. Как раз в тот момент, когда я собираюсь положить телефон обратно в карман, он вибрирует. И на мгновение я думаю: это *Бен*. Это от Бена! Как же удивительно, после всего...

Это с неизвестного номера:

Получил ваше сообщение о Бене. Мы давно не общались. Хотя он и пообещал мне пару статей и птчи. Я весь день работаю в кафе «Бель Эпок» рядом с Люксембургским садом. Можем встретиться там. Т.

Поначалу я не могу разобрать, что к чему, но потом вспоминаю: это тот парень, которому я написала ранее. Я вынимаю из заднего кармана бумажник Бена, чтобы посмотреть его полное имя. Тео Мендельсон, парижский редактор «Гардиан».

Я сейчас приду, пишу я в ответ.

Перед тем как убраться визитку обратно в бумажник, я замечаю, что за ней спрятана еще одна карточка. Она привлекает мое внимание своим оригинальным оформлением. Металлическая, темно-синего цвета с вытисненным золотым фейерверком. Ни текста, ни цифр, ничего такого. Не кредитка. И не визитка, конечно. Тогда что? Я колеблюсь, ощущаю в ладони ее тяжесть, и убираю карточку в карман.

Уже вечереет, небо потемнело, налилось синим, как старый синяк. Как так? Я не заметила, как пролетели часы. Это место поглощает время, как в сказках.

Идя по двору, я слышу рядом какой-то звук, скрежет: *скр, скр, скр*. Я оборачиваюсь и впадаю в ступор, когда вижу маленькую сутулую фигуру, стоящую всего в паре метров справа от меня. Это та старуха, которую я видела прошлой ночью. Ее седые волосы повязаны платком, на ней что-то вроде длинного бесформенного кардигана поверх фартука. Ее лицо – один сплошной нос и подбородок, пустые глазницы. Ей может быть от семидесяти до девяноста. В руках метла, которой она сгребает опавшие листья в кучу. Ее глаза прикованы ко мне.

– *Bonsoir*³⁶, – здороваюсь я. – Эм. Вы не видели Бена? С третьего этажа? – Я показываю на окна квартиры. Но она просто продолжает подметать: *скр, скр, скррррр*, все время наблюдая за мной.

Затем она подходит еще ближе. Она не сводит с меня глаз,

³⁶ Добрый вечер (*фр.*).

почти не моргает. Но только один раз, бегло, она поднимает глаза на дом, будто что-то проверяет. Затем открывает рот и тихо шипит звуком, напоминающим шорох опавших листьев.

– *Здесь ничего нет для тебя.*

Я пристально смотрю на нее.

– Вы о чем?

Она качает головой. А потом поворачивается, возвращаясь к уборке. Все произошло так стремительно, что я почти поверила, будто мне это померещилось. Почти.

Я смотрю вслед ее удаляющейся фигуре. Да черт возьми: такое чувство, что все, кого я здесь встречаю, говорят загадками – разве что кроме Ника. Меня охватывает внезапное яростное желание подбежать к ней и, не знаю, встряхнуть или что-то в этом роде... в общем, заставить объяснить мне, что она имеет в виду. Но я прячу свое разочарование за маской безразличия.

Уходя, я чувствую ее пронзительный взгляд, сверлящий мои лопатки. И уже на улице, задаюсь вопросом: это была угроза или предупреждение?

КОНСЬЕРЖКА

Будка

Ворота за девушкой захлопнулись. Она думает, что поселилась в обыкновенном многоквартирном доме. В месте, где все подчинено обычным правилам. Она даже понятия не имеет, во что ввязалась.

Я думаю о наставлениях мадам Менье. Выбора нет, я должна им следовать. Слишком многое поставлено на карту, мне придется сотрудничать. Как она и просила, я отчитаюсь, что девушка ушла. Когда она вернется, тоже сообщу об этом мадам. Как послушный работник, которым я и являюсь. Мне не нравится мадам Менье. Но приезд этой особы вынудил нас заключить непростой союз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.